

ISSN 2587-7844

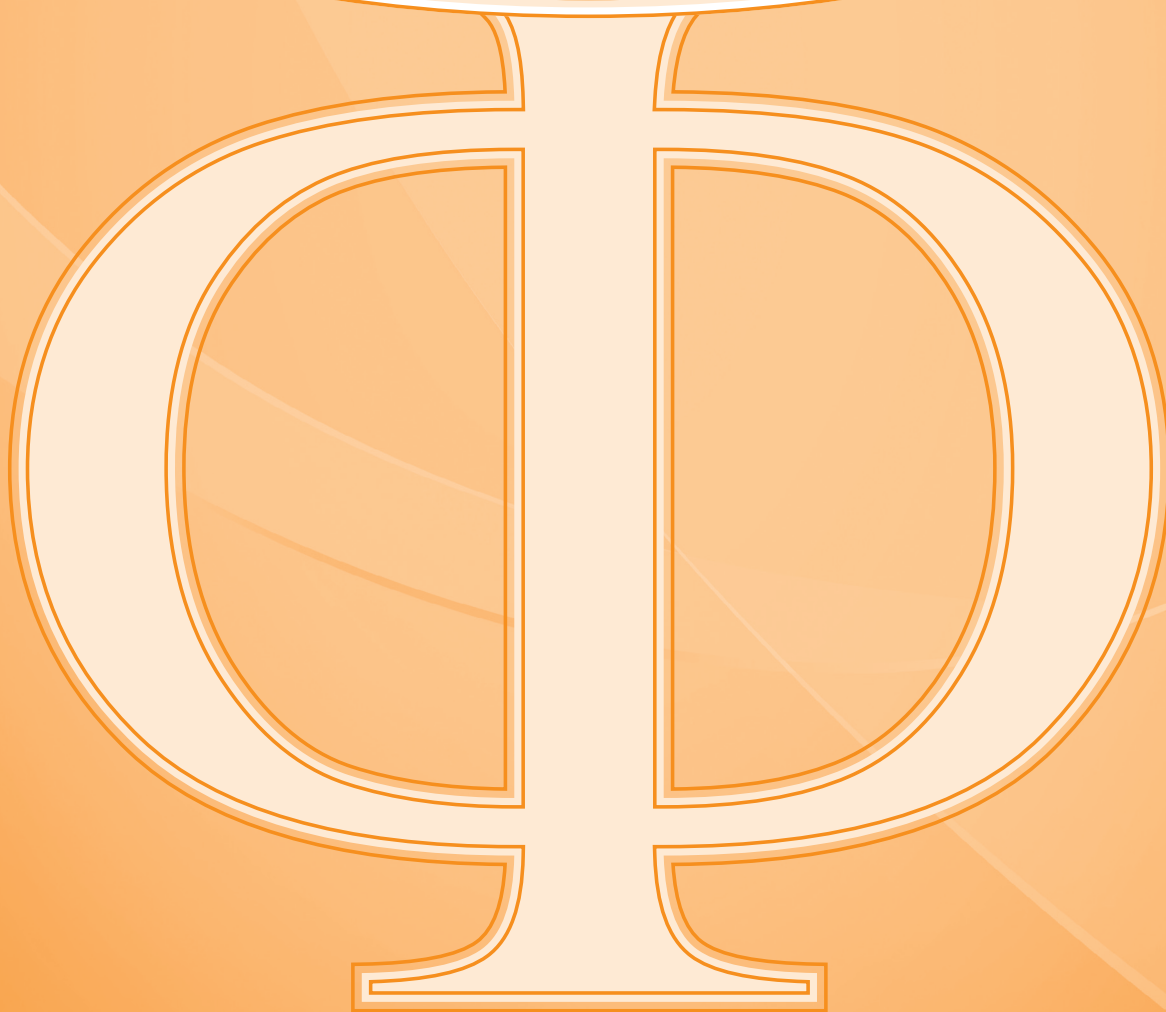
СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2023. № 4 (25)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещен на платформе публикаций SciUp

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voynovich Yasmina, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Kazydub N.N., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Нурғали Кадиша Рустембекқызы, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)
Nurgali Kadisha Rustembekkyzy, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafyev

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Тышковка-Каспршак Эльжбета, доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsetovna N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелёва Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Актуальные проблемы языкознания

С.П. Васильева, А.А. Коняшкин
АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ
РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА
В ИДИОСТИЛЕ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА
S.P. Vasilieva, A.A. Konyashkin
ANALYTICAL CONSTRUCTIONS
OF COLLOQUIAL SYNTAX
IN THE IDIOSTYLE OF V.M. SHUKSHIN'S STORIES

[4]

А.В. Михайлов
САМООПИСАНИЕ ПЕРСОНЫ И СООБЩЕСТВА
КАК МОДУСЫ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТИ ЯЗЫКА И РЕЧИ
A.V. Mikhaylov
SELF-DESCRIPTION OF A PERSON AND COMMUNITY
AS MODES OF ANTHROPOCENTRICITY
OF LANGUAGE AND SPEECH

[17]

Т.В. Михайлова
ОБРАЗ КНЯЗЯ В БЫЛИННОМ ТЕКСТЕ:
АНАЛИЗ НОМИНАТИВНЫХ ФОРМУЛ
T.V. Mikhaylova
THE IMAGE OF THE RUSSIAN KNYAZ IN THE EPIC TEXT:
ANALYSIS OF NOMINATIVE FORMULAS

[25]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Современная литература: ее герои и антигерои

А.И. Куляпин
«ВОДКА С СОДОВОЙ»:
ПОЭТИКА РАССКАЗА В.М. ШУКШИНА «ВЕРСИЯ»

A.I. Kulyarin
“VODKA-AND-SODA”:
THE POETICS OF V.M. SHUKSHIN'S STORY “VERSION”

[35]

М.В. Ларина, Л.Е. Орешина
ОБРАЗ АНТИГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ:
ОТ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА
К МЕТАФИЗИЧЕСКОМУ РЕАЛИЗМУ
M.V. Larina, L.E. Oreshina
THE ANTIHERO IMAGE:
FROM TRADITIONALISM TO METAPHYSICAL REALISM

[45]

А.И. Гонtareва
«ЭХО ЖАНРА АВТОБИОГРАФИИ»
В ПРОЗЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ
A.I. Gontareva
“ECHOES OF THE GENRE OF AUTOBIOGRAPHY”
IN THE PROSE OF LYUDMILA ULITSKAYA

[54]

Н.А. Вальянов, П.И. Зубкова
МОТИВ ПУТИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»
N.A. Valianov, P.I. Zubkova
THE MOTIF OF THE PATH AND ITS MEANING
IN E. VODOLAZKIN'S NOVEL “LAVR”

[63]

СЛОВО МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ

Чжан Вэйдун
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ
СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ
В ПОВЕСТИ С.А. ШАРГУНОВА «УРА!»
Zhang Weidong
FEATURES OF THE USE
OF STYLISTICALLY MARKED VOCABULARY
IN S.A. SHARGUNOV'S STORY “HURRAY!”

[74]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[83]

УДК 811.161 + 378 (082+075.8)

АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА В ИДИОСТИЛЕ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА

С.П. Васильева (Красноярск, Россия)

А.А. Коняшкин (Красноярск, Россия)

Аннотация

Актуальность данной работы обусловлена спецификой аналитизма в разговорном синтаксисе рассказов В.М. Шукшина.

Аналитические конструкции в разговорной речи не имеют системно-синтаксических ограничений: это члены предложения, словосочетания и нечленимые предложения.

Методологической и теоретической базой исследования стали труды классиков отечественного языкознания – А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, А.Н. Гвоздева, П.А. Леканта, А.П. Сковородникова и др.

Основные методы исследования – лингвистический и филологический анализ художественного текста, структурно-грамматический и функционально-семантический подходы к предмету исследования.

Цель работы – описать активно функционирующие аналитические конструкции в разговорной речи – доминирующем типе речи в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.

Результаты исследования свидетельствуют, что функционально-семантическое членение в разговорной речи не всегда соответствует ее грамматическому членению, то есть интенция речи «шире грамматики». С одной стороны, это усиливает экспрессивность высказываний, с другой – обуславливает явления аналитизма. Подобного рода несоответствия являются результатом творческого переосмысления языковых средств и несут большую смысловую и стилистическую нагрузку.

Ключевые слова: анализ, аналитические конструкции, идиостиль, подлежащее, разговорная речь, семантика, синтаксис, сказуемое.

Постановка проблемы. Идиостиль художественного текста – это индивидуальный стиль автора, комплекс формальных и содержательных языковых характеристик, оригинально воплощенный в речи/тексте языковой личности. Иначе говоря, это способ использования всей системы языковых выразительных средств в процессе работы над текстом. Идиостиль – это прежде всего система. Аналитические конструкции разговорного синтаксиса, репрезентированные в произведениях В.М. Шукшина и являющиеся предметом данного исследования, входят в число языковых компонентов, маркирующих особенности идиостиля в синтаксическом аспекте. Основное внимание в данной работе уделяется аналитическим конструкциям – семантически нечленимым конструкциям, составные элементы которых характеризуются совмещением синтаксических функций.

Если материальной стороной идиостиля является стилистическая ресурсная база субъекта речи, то «дух» идиостиля – это прежде всего способы репрезентации, то есть сочетания, комбинирование стилистических средств. Идиостиль субъектов речи индивидуален, неповторим. Этим и объясняется обилие подходов к изучению данного феномена в лингвистической науке.

Например, при лингвопоэтическом подходе рассматриваются способы организации языкового материала конкретных произведений. Когнитивный подход, обусловленный развитием когнитивной лингвистики, сосредоточен на особенностях языкового транслирования информации авторской концептуальной картины мира. При коммуникативно-стилистическом подходе актуализируется коммуникативно-деятельностный аспект высказывания.

В художественной литературе наиболее отчетливо разговорная речь и ее подсистема – разговорный синтаксис – проецируются в произведениях малого жанра – рассказах. Рассказ в силу жанровой природы избегает развернутого повествования. Очевидно, поэтому в нем по сравнению с объемными эпическими формами более явно проявляется и реализуется один из универсальных законов языка – закон экономии языковых средств, что, в свою очередь, усиливает функциональную нагрузку на облигаторные средства. Все это, присущее жанровой разновидности – рассказу, характерно и для функционального типа речи – разговорного, в частности разговорного синтаксиса. Наиболее полное и зримое соответствие жанровой и языковой природы художественного текста присуще именно рассказу. Жанровые особенности шукшинских рассказов обуславливают и необходимость краткого актуализированного филологического анализа.

Общеизвестно, что русский язык – это язык синтетического строя с определенным количеством аналитических форм.

«С учетом степени семантической спаянности компонентов различаются синтаксически членимые и нечленимые (цельные) словосочетания. В членимых словосочетаниях каждый компонент является структурно и семантически достаточным для функционирования в роли отдельного члена предложения. Большинство простых или сложных словосочетаний синтаксически членимые, т.е. свободные. В нечленимых словосочетаниях, ввиду семантической недостаточности стержневого компонента, смысловую нагрузку несет зависимый компонент, поэтому все словосочетание функционирует как один член предложения» [Современный русский литературный язык, 1988, с. 268].

«Вечный» интерес к проблеме аналитизма в русском языке объясняется тем, что грамматически РЯ – язык синтетического строя. Аналитизм как бы выпадает из этого строя. Грамматическое строение языка концентрируется главным образом «внутри» слова, его пределах, поэтому формальные проявления аналитизма могут восприниматься как инородные вкрапления. Однако многие аналитические конструкции, проверенные временем, стали реалиями языка и предоставляют лингвистам интересный материал для исследования.

Обзор литературы. Говоря о реконструкции речевой практики XIX в. на примере языка А.С. Пушкина, Е.А. Кудрявцева отмечает: «Фиксация значений слов, актуальных для пушкинской эпохи, в современных словарях не всегда отражает реальную практику их употребления, поскольку в данных лексемах могли произойти существенные семантические изменения» [Кудрявцева, 2023, с. 38]. Язык оригинальных художественных текстов В.М. Шукшина характеризуется полным соответствием русскому языку XXI в. «Современный синтаксис находится под активным влиянием разговорной речи, в силу чего вариативен, подвижен и необычен по сравнению с классическим синтаксисом» [Ларионова, 2018, с. 129].

В научной литературе существует довольно большое количество исследований, посвященных различным аспектам творчества В.М. Шукшина.

Обращаясь к прозе В.М. Шукшина, исследователи отмечают: «Материалы, накопленные к середине 1990-х гг., показали, что в прозе Шукшина “сосуществуют” функционально различные сферы языка: разговорной и книжной речи, современной и архаизованной, городской и деревенской, стилистически нейтральной и сниженной, научной и публицистической и др.» [Василевская, 1994].

В разные периоды актуализируются различные аспекты исследований художественных текстов В.М. Шукшина. А.А. Чувакин отмечает, что в 1990-е гг. исследование языка писателя переходит от частного к общему, его творчество невозможно вписать в какие-либо рамки «деревенщика» или «доморощенного философа».

В монографии Г.В. Кукуевой «Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование» выявлены и описаны базовый лингвопоэтический текст, такие типы и подтипы текстов рассказов, как рассказ-сценка, рассказ-анекдот [Кукуева, 2008]. Описание речевого поведения в диалогах предпринято в диссертации Л. Лицзюнь «Герой рассказов В. Шукшина как национальная языковая личность» [Лю Лицзюнь, 2009]. Намечая перспективы дальнейших исследований языка В.М. Шукшина, Е.Н. Карташова обращает внимание на анализ ономастики и образности языковых единиц [Карташова, 2021, с. 85].

Цель данного исследования – описать аналитические конструкции, активно функционирующие в разговорной речи как доминирующем типе речи в идиостиле рассказов В.М. Шукшина.

Шукшинский рассказ близок к новелле. Отсюда краткость, динамичность, ускоренный ход действия, повышенное внимание к аналитическим конструкциям. В рассказах В.М. Шукшина обнаруживается большое количество аналитических конструкций. Аналитические конструкции – маркеры разговорной речи, однако следует отметить, что это лишь одна из конструктивных разновидностей, далеко не исчерпывающая систему разговорного синтаксиса.

Материалом исследования послужили более 100 контекстов с аналитическими конструкциями, извлеченные из рассказов В.М. Шукшина и репрезентированные в данной статье.

Методологической и теоретической базой исследования стали труды классиков отечественного языкознания – А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, А.Н. Гвоздева, П.А. Леканта, А.П. Сковородникова и др.

Основные методы исследования – лингвистический и филологический анализ художественного текста, структурно-грамматический, основанные на функционально-семантическом подходе к предмету исследования.

В результате анализа контекстов с аналитическими конструкциями нами были выделены 3 группы: 1. Аналитические конструкции подлежащего. 2. Аналитические конструкции глагола-сказуемого. 3. Нечленимые предложения.

1. Аналитические конструкции подлежащего.

1.1. Сочетание числительного с существительным или местоимением.

Например: *Два молодых оглоеда – на старого человека, – сказал Андрей* (Свояк Сергей Сергеевич); *Одиннадцать человек лесорубов с дальней делянки остались без еды* (Начальник); *Трактористов было двое: Колька и Петька* (Там же); *В следующее мгновение все пять рвали мясо еще дрожавшей лошади* (Волки); *И тут увидели, недалеко от дороги, – пять штук* (Там же); *Вся стая крунулась с разгона вокруг вожака* (Там же); *Три отставших волка тоже бросились к жертве* (Там же).

В соответствии со структурно-грамматическим членением речи выделенные конструкции следует рассматривать как подлежащее, функционально-семантический подход дает основания квалифицировать эти языковые компоненты как **аналитические** конструкции логического субъекта с количественным числительным.

Выделенные конструкции характеризуются нечленимостью синтаксической и смысловой связи между составными компонентами и являются идеальным средством обозначения предмета речи. Их наличие – одна из характерных особенностей разговорного синтаксиса В.М. Шукшина.

2. Аналитические конструкции глагола-сказуемого.

Наличие аналитических глагольных форм (в функции сказуемого) в речи означает, что предикативная семантика выражается не отдельными словоформами, а семантически и синтаксически нечленимым соотношением как минимум двух словоформ. Аналитические формы сказуемого широко представлены в рассказах В.М. Шукшина как средство «стилизации разговорности».

2.1. Сказуемое представлено лексически ограниченным сочетанием двух спрягаемых форм глаголов, из которых один означает движение или пребывание в состоянии, положение в пространстве, другой глагол лексически свободен.

Например: *А чего вы все салютовать кинулись* (Даешь сердце!); *Идите работайте* (Там же); *Ладно лежи хворай* (Крепкий мужик); *Легко, думаешь, лежать смотреть на тебя* (А поутру они проснулись...); *Он... в последнее время наладился хорошо жить* (Обида).

2.2. Инфинитив в сочетании с глаголом в личной форме или словами категории состояния.

Аналитизм глагольных форм действий – это функциональная трансформация одного действия в виде «увеличения» его масштабности: *работайте*; *Глянется работать* (Как зайка летал на воздушных шариках); *Охота учить* (Непротивленец Макар Жеребцов); *Он тоже решил казаться насмешливым* (Правда).

2.3. Сочетание инфинитива основного глагола с глаголом-связкой или модальным глаголом в безличной форме.

Например: *Завыть хотелось; Стало шумно в деревне* (В воскресенье мать-старушка); *Было бы молоко, в бумагах его как хошь можно провести* (Беседы при ясной луне).

Примеры показывают, что составные компоненты, входящие в структуру сказуемого, – модальные и фазисные глаголы, инфинитив, именные компоненты – функционируют как один член предложения. Дифференциация видится в том, что каждый из них вносит в семантическую структуру высказывания свое грамматическое значение. Так, фазисные глаголы обозначают стадию, этап действия – начало, конец, продолжение, длительность и др., инфинитив в силу морфологической неизменяемости глагольной формы – потенциальное действие, имя – один из основных смысловых компонентов глагола-сказуемого, модальный глагол выражает оценку действия. Например, в предложении *Тянет посидеть там* (Земляки) значение действия осложняется модальным значением *желательности* – «тянет»; в предложении *Спирька пошел работать* в колхоз (Сураз) значение действия *работать* осложняется фазисным значением *начало действия* и модальными значениями *вынужденности, необходимости*.

Осложняя значение действия различными оттенками, аналитизм как бы усиливает его интенсивность, «увеличивает масштабность». Обилие и многофункциональность аналитических глагольных форм является одной из характерных особенностей идиостиля рассказов В.М. Шукшина.

2.4. К аналитическим конструкциям относятся и глаголы с совмещенным значением действий, усиливающих стилистическую окрашенность речи. Частичная десемантизация одного из предикативных компонентов и неразрывная смысловая связь между компонентами составной аналитической конструкции – явление, весьма характерное для разговорного синтаксиса, в частности анализируемых произведений.

Например: *Ну, пошли попроведаем кандидатов, – скромно сказал Глеб* (Срезал). – Приглашение к совместному действию.

Семантическое совмещение действий позволяет говорящему выразить снисходительно-ироническое отношение к происходящему, указать на театральность, позерство его поведения, в последующих – акцентируется внимание на патологической регулярности, повторяемости действия: *Поет и поет ходит... У нас Ваня-дурачок такой был – все пел ходил* (Критики); *А этот трезвонит ходит по всей деревне...* (Там же).

«Декодирование» совмещения действий возможно только в контексте.

Например, контекст позволяет определить, что в предложении *Нате-ка, отвезите им* – деревенского (Суд) – выражается просьба с оттенком благодарности.

Функционально-семантическое членение в разговорной речи не всегда соответствует ее грамматическому членению, то есть интенция речи как бы «шире грамматики».

В следующих примерах побудительных предложений интенция волеизъявления – разной степени категоричности – от просьбы, пожелания совета, рекомендации до приказа, требования – реализуется аналитическим способом. Языковой материал показывает, что лексические и грамматические оттенки значений служебные слова реализуют только в сочетании со знаменательным словом, то есть в составе синтаксической конструкции. Так, функционирующие в составе сказуемого частицы могут сохранять следы своего происхождения, то есть функционально-смысловой соотносительности со знаменательными частями речи – глагольные частицы, наречные, местоименные. Таким образом, аналитические конструкции – это синтаксические структуры, составные элементы которых лексически, грамматически и функционально неразрывно связаны. Они предикативно значимы. Подтверждением тому являются следующие предложения с глагольными частицами и модальными глаголами в форме повелительного наклонения: *Давай посидим, поговорим* (Одни); *Ну давай слезать будем* (Как помирал старик); *Давай-ка по рюмочке пропустим* (Наказ); *Давайте считать вместе* (Беседы при ясной луне); *Давайте, думаю, зните дальше* (Непротивленец Макар Жеребцов); *Пусть будет так* (Чудик); *Пусть она там ребятишек укладывает* (Наказ); *...пусть они тебя, дурака, опять взыщут* (Миль пардон, мадам!); *Пускай знают* (Как зайка летал на воздушных шариках).

Однако значение подобных аналитических конструкций не ограничивается волеизъявлением. Например: *Потом, знаете, эти сибиряки: наскучают там, приезжают и давай ферверки пускать. Кошмар!* (А поутру они проснулись...). Конструкция включает в себе оценку интенсивности действия – кутежа.

2.5. Аналитические конструкции в рассказах В.М. Шукшина – это обычно сочетание служебных и знаменательных слов, вспомогательного и основного компонента. В сочетаниях знаменательных слов возможна частичная десемантизация одного из компонентов.

При помощи глагольной частицы *было* (из древнерусской формы плюсквам-перфекта) в современном русском языке выражается значение прерывания одного действия другим, так называемого «прерванного прошедшего», или попытка действия: *Остолбеневиший очкарик сдвинулся наконец с места и подсел было к урке...* (А поутру они проснулись...); *Увидев меня, председатель кинулся было за мной, но я так дернул с места, что он сразу остановился* (Жатва); *Ванька хотел было встать, ему не дали* (Танцующий Шива); *Он хотел было поговорить о том... Но отец так глянул на него...* (Игнаха приехал); *Он попытался было воздействовать на нее, что нельзя же так-то уж, но получил железный отпор* (Жена мужа в Париж провожала). Синтаксическая модель подобных предложений – «было..., но» – является эффективным средством передачи эмоциональной напряженности внеречевой ситуации, ее драматизма.

2.6. Глагольная частица *знай* вносит в семантическую структуру предложения оттенки обязательности, призыва, необходимости совершения действия: – *А что? еще раз спросил он. – Ничего. Учи знай* (Сельские жители).

Таким образом, глагольные частицы, сохраняющие соотносительную связь с глаголом, от которого они произошли, являются структурным компонентом сказуемого и осложняют семантическую структуру предложения/высказывания различными коннотативными значениями.

Таким образом, аналитические формы глагола-сказуемого осложняют предикативную семантику высказываний различными оттенками значений. Это усиливает семантическую экспрессивность разговорного синтаксиса в идиостиле В.М. Шукшина.

2.7. Конструкция с творительным сравнения.

В составе сказуемого текстов Шукшина зачастую используется творительный сравнения – существительное в форме творительного падежа без предлога. Например: – *Да вы только это... не смотрите, не смотрите на меня, не смотрите таким... крокодилом-то...* (Владимир Семеныч из мягкой секции); *Ну, весна, ну, что же теперь – козлом, что ли, прыгать?* (Шире шаг, маэстро!); *Если сама чурбаком уродилась, то постарайся хоть понять, что бывают люди с душой* (Верую); *Смотрел орлом* (Осенью); *Нюра заревела коровой* (Сураз); *Глеб Капустин коришном взмыл над полковником... И срезал* (Срезал); *Хрустнуло одно бревно, трос, врезавшись в угол, запел балалаечной струной*; *Церковь лежала бесформенной грудой, прахом* (Крепкий мужик); *Но реактивные тоже опасные. Тот, если что сломалось, топором летит вниз* (Сельские жители); *Камнем, грудью вперед, падали на воду чайки...* (Демагоги); *А Ермоха, например, всю жизнь прожил валиком* (Билетик на второй сеанс); *Всем скопом кинулись перетаскивать продукты в избушку начальника* (Начальник).

Творительный сравнения функционирует в данных примерах в составе аналитических конструкций. Так, в первом предложении он выражает признак действия, во втором – это семантически нечленимое сочетание слов, в третьем – основной компонент составного именного сказуемого. Слово *уродилась* – знаменательная связка, то есть лексически полнозначное слово в роли связки, что подтверждается семантической неразрывностью компонентов составного сказуемого. Творительные сравнения синонимичны обычным сравнительным оборотам. Ср.: *Не смотрите на меня, как крокодил; прыгает, как козел; Нюра заревела, как корова* и др.

Конструкции творительного сравнения, как и все типы сравнений, полисемантны. Их наличие указывает на то, что в художественном тексте образное мышление предшествует логическому.

Экспрессивность творительного сравнения обуславливается тем, что интенция говорящего предопределяется в первую очередь акцентированием не действия, а его признака, то есть функционально-семантическим членением разговорного синтаксиса.

3. Нечленимые предложения.

Обязательным элементом разговорного синтаксиса рассказов В.М. Шукшина являются нечленимые предложения. Классификация простого предложения в русской грамматике основывается на дифференциации форм и особенностей

синтаксического функционирования основных компонентов – предикативного центра. Что касается нечленимых предложений, то они находятся «вне грамматики». В этом отношении они противопоставлены односоставным и двусоставным предложениям. Нечленимые предложения лишены грамматической формы: в них не выделяются ни главные, ни второстепенные члены предложения. Они не имеют в составе спрягаемых форм глагола и поэтому не имеют конкретных показателей модально-временной парадигмы.

По утверждению А.Н. Гвоздева, специфика разговорной речи в первую очередь проявляется в огромном количестве стабилизированных построений, застывших конструкций, «шаблонных фраз» – «языковых формул», не требующих отчетливого синтаксического членения [Гвоздев, 2018, с. 187–195].

Аморфологичность строения, синтаксическая нечленимость, рефлекторная воспроизводимость в речи – все это позволяет рассматривать нечленимые предложения и как разновидность аналитических конструкций и как «шаблонные фразы». По функции нечленимые предложения соотносятся с повествовательными, вопросительными, побудительными предложениями: – *Ну и что?* (Суд); *А-а... Да. – Да, да. Что? Спасибо. – Почему? – Ничего* (Солнце, старик и девушка); – *Та-а... «Как же так!» – думал он: И все* (Степкина любовь); – *Не надо, деда, не надо, – уговаривал он деда... Ну их!..* (Критики).

Нечленимые предложения не содержат конкретного высказывания. Их содержание сводится к выражению согласия/несогласия с тем или иным высказыванием (чаще всего другого лица) или эмоциональной реакции на него, а также волеизъявления. Поэтому коммуникативная значимость нечленимых предложений проявляется, как правило, только на фоне соответствующих предложений, составляющих речевой контекст. Обычно это диалогическая речь. Например: – *Ну теперь-то все хоть? – Конечно* (Светлые души).

Эти предложения очень экспрессивны, имеют яркую эмоциональную окраску, активны в разговорной диалогической речи, грамматически это как бы не предложения, функционально – очень активные в речи эквиваленты предложений, фразеосхемы, по терминологии Д.Н. Шмелева.

Выводы

1. В разговорном синтаксисе рассказов В.М. Шукшина представлены следующие разновидности аналитических конструкций: аналитические конструкции подлежащего; сказуемого; конструкции творительного сравнения; нечленимые предложения.

2. Аналитические конструкции характеризуются синтаксической нечленмостью составных компонентов, что в значительной степени предопределяет особенности их семантико-стилистического функционирования.

3. Обилие разновидностей аналитических конструкций и эффективность их стилистического функционирования позволяет утверждать, что конструкции разговорного синтаксиса, в число которых входят рассмотренные языковые единицы, являются маркирующими компонентами идиостиля рассказов В.М. Шукшина.

Список источников

1. Шукшин В.М. Беседы при ясной луне: рассказы. М.: Сов. Россия, 1974. 319 с.
2. Шукшин В.М. Земляки: рассказы. М.: Сов. Россия, 1970. 208 с.
3. Шукшин В.М. Сельские жители: рассказы. М.: Мол. гвардия, 1963. 191 с.
4. Шукшин В.М. Собр. соч.: в 6 т. М.: Зебра Е, 2006. 522 с.

Библиографический список

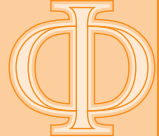
1. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. 1976.
2. Быдина И.В. Идиостиль Федора Сологуба в когнитивно-коммуникативном аспекте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 2. С. 69–73.
3. Василевская Л.И. Типы речи и композиционно-речевые приемы в рассказах В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина: Поэтика. Стиль. Язык: сб. ст. Барнаул, 1994. 209 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматические учения о слове). Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
5. Воробьева Е.Н. Экспрессивный синтаксис в отечественном языкознании: систематический обзор. Красноярск, 2022. С. 889–896.
6. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Флинта, 2018. 577 с.
7. Гумбольдт В.Ф. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 395 с.
8. Дедковская Д.М. К вопросу о проявлении аналитизма в современном русском языке // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 7 (54).
9. Карташова Е.Н. Творчество В.М. Шукшина: перспективы лингвистических исследований // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 82–87. DOI: 10.36622/AQMPJ.2021.48.93.012
10. Кудрявцева Е.А. Фрагмент реконструкций речевой практики XIX в. на примере языка А.С. Пушкина // Сибирский филологический форум. 2023. № 2 (23). С. 38–49.
11. Кукуева Г.В. Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование. Барнаул: БГПУ, 2008. 284 с.
12. Ларионова А.Ю. Динамические языковые процессы: в помощь будущему редактору: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2018. 200 с.
13. Лю Лицзюнь. Герой рассказов В. Шукшина как национальная языковая личность: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 208 с.
14. Михалчева А.В. О прагматических особенностях экспрессивного синтаксиса в текстах англоязычной популярной прессы // Филологические науки в МГИМО. Т. 7, № 1 (25). С. 60–67.
15. Потенбня А.А. Мысль и язык // А.А. Потенбня. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.

16. Сковородников А.П. Сегментированная синтаксическая конструкция // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 612.
17. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. 141 с.
18. Современный русский литературный язык / под ред. П.А. Леканта. М.: Высшая школа, 1988. С. 415.
19. Фролова А.В., Соловьева О.А. В. Шукшин в диалоге с XXI в.: современные театральные рецепции // Сибирский филологический форум. 2023. № 3 (24). С. 51–62.
20. Чувакин А.А. Язык В.М. Шукшина в энциклопедическом словаре-справочнике его творчества // Известия Алтайского государственного университета. 1999. Вып. 4. С. 85–93.
21. Ширяев Е.Н. Основные синтаксические характеристики функциональных разновидностей современного русского языка // Русский язык его функционирование: Уровни языка. М.: Наука, 1996. С. 181–203.
22. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи Н.Ю. Шведова. М.: Изд-во АК наук СССР, 1960. 377 с.
23. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира. М.: Гнозис, 1994. 344 с.

Сведения об авторах

Васильева Светлана Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

Коняшкин Александр Алексеевич – аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: rednaxela6991@gmail.com

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-4-16

ANALYTICAL CONSTRUCTIONS OF COLLOQUIAL SYNTAX IN THE IDIOSTYLE OF V.M. SHUKSHIN'S STORIES

S.P. Vasilieva (Krasnoyarsk, Russia)

A.A. Konyashkin (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The relevance of this work is conditioned by the specific features of analyticism in the modern Russian language.

Analytical constructions in colloquial speech have no systemic syntactic restrictions: they are sentence members, word combinations, and non-membered sentences.

The methodological and theoretical basis of the study are the works of the classics of Russian linguistics – A. A. Potebnya, V.V. Vinogradov, N.Y. Shvedova, A.N. Gvozdev, P.A. Lecant, A.P. Skovorodnikov, etc.

The main methods of research are linguistic and philological analysis of the fiction text, structural-grammatical and functional-semantic approaches to the subject of study.

The purpose of the article is to describe productive analytical constructions in colloquial speech, which is a dominating type of speech in the idiosyle of V.M. Shukshin's stories

The research results show that the functional-semantic division in colloquial speech does not always correspond to its grammatical division, i.e., the intention of speech is “wider than grammar”. On the one hand, this enhances the expressiveness of utterances, on the other hand, it causes the phenomena of analyticism. Such inconsistencies are the result of creative rethinking of linguistic means and carry a great semantic and stylistic load.

Keywords: *analysis, analytic constructions, idiosyle, subject, colloquialism, semantics, syntax, predicate.*

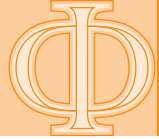
List of dictionaries and sources

1. Shukshin V.M. Conversations at a clear moon: stories. Moscow: Sov. Russia, 1974. 319 p.
2. Shukshin V.M. Zemlyaki: stories. Moscow: Sov. Russia, 1970. 208 c.
3. Shukshin V.M. Villagers: stories. Moscow: Mol. Gvardiya, 1963. 191 p.
4. Shukshin V.M. Tight to live. Moscow: Zebra E, 2006. 522 p.

References

1. Bondarko A.V. Grammatical meaning and sense. Leningrad: Nauka, 1978. 1976.
2. Bydina I.V. Fyodor Sologub's idiosyle in cognitive-communicative aspect // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2006. No. 2. P. 69–73.
3. Vasilevskaya L.I. Types of speech and Compositional and speech techniques in the stories of V.M. Shukshin // The Works of V.M. Shukshin: Poetics. Shukshin: Poetics. Style. Language: a collection of articles. Barnaul, 1994. 209 p.
4. Vinogradov V.V. Russian language (Grammatical doctrines of the word). 3rd ed. Moscow: Higher School, 1986. 640 p.

5. Vorobyeva E.N. Expressive syntax in Russian linguistics: systematic review. Krasnoyarsk, 2022. P. 889–896.
6. Gvozdev A.N. Ocherki po stylistiki russkogo linguistica [Essays on the stylistics of the Russian language]. Moscow: FLINTA, 2018. 577 p.
7. Humboldt V.F. Selected works on linguistics. Moscow: Progress, 1984. 395 p.
8. Dedkovskaya D.M. K question about the manifestation of analyticism in the modern Russian language // Vestnik of Irkutsk GTU. 2011. No. 7 (54).
9. Kartashova E.N. Creative Work of V.M. Shukshin: PERSPECTIVES OF LINGUISTIC RESEARCH // Actual Issues of Modern Philology and Journalism. 2021. № 1 (40). P. 82–87.
10. Kudryavtseva E.A. Fragment of reconstructions of speech practice of the XIX century on the example of the language of A.S. Pushkin // Siberian Philological Forum. 2023. No. 2 (23). P. 38–49.
11. Kukueva G.V. Stories by V.M. Shukshin: linguotypological study. Barnaul: BSPU, 2008. 284 p.
12. Larionova A.Yu. Dynamic language processes: to help the future editor. Educational and methodological manual. Yekaterinburg, 2018. 200 p.
13. Liu Lijun. The hero of V. Shukshin's stories as a national linguistic personality: dissertation. candidate of philological sciences. Saint Petersburg, 2009. 208 p.
14. Mikhalcheva A.V. About pragmatic features of expressive syntax in the texts of English-language popular press // Philological Sciences in MGIMO. Vol. 7, No. 1 (25). P. 60–67.
15. Potebnya A.A. Thought and language // A.A. Potebnya. Aesthetics and poetics. Moscow, 1976. P. 35–220.
16. Skovorodnikov A.P. Segmented syntactic construction // Culture of Russian Speech. Encyclopedic dictionary-reference book. Moscow: Flinta: Nauka, 2003. P. 612.
17. Slyshkin G.G. Linguocultural Concepts of Precedent Texts. Moscow: Academia, 2000. 141 p.
18. Modern Russian Literary Language / Ed. by P.A. Lecant. Moscow: Higher School, 1988. P. 415.
19. Frolova A.V., Solovyova O.A. V. Shukshin in dialog with the XXI century: modern theatrical receptions // Siberian Philological Forum. 2023. No. 3 (24). P. 51–62.
20. Shiryayev E.N. Main syntactic characteristics of functional varieties of the modern Russian language // The Russian language its functioning: Language levels. Moscow: Nauka, 1996. P. 181–203.
21. Chuvakin A.A. The language of V.M. Shukshin in the encyclopedic dictionary-reference of his work // Izvestiya Altai State University. 1999. Is. 4. P. 85–93.
22. Shvedova N.Y. Sketches on the syntax of Russian colloquial speech. Moscow: Izd-v. AK of Sciences of the USSR, 1960. 377 p.
23. Yakovleva E.S. Fragments of the Russian language picture of the world. Moscow: Gnosis, 1994. 344 p.

About the authors

Vasilieva, Svetlana Petrovna – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru

Konyashkin, Aleksandr Alekseyevich – PhD Candidate, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: rednaxela6991@gmail.com

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-17-24

УДК 801

САМООПИСАНИЕ ПЕРСОНЫ И СООБЩЕСТВА КАК МОДУСЫ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТИ ЯЗЫКА И РЕЧИ

А.В. Михайлов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В работе сделана попытка обнаружить топологические связи между антропоцентрическим принципом построения языка и речевой деятельности и обращенностью к самоописанию языковой личности и сообщества. Стимулирование речевой деятельности в диалоге демонстрирует это очевидным образом – ответы на вопросы, «цепляющие» и побуждающие к речевой активности слова-стимулы характеризуют именно Говорящего. С другой стороны, такое же самописание характерно и для Совокупности Говорящих.

Цель статьи – поставить вопрос о связи сосредоточенности языковой личности на описании собственных переживаний, личных событий с фундаментальным антропоцентризмом языка.

В работе применяется *метод* коммуникативного исследования процесса человеческого общения и поведения в условиях сбора диалектного материала.

Результаты исследования. В эпической, лирической, авторской художественной и публицистической деятельности Сообщество через индивидов-Говорящих выражает именно себя. Изучение диалогических фрагментов обыденной речи показывает справедливость тезиса о «самоописании».

Выводы. Автор приходит к выводам о всепроникающей устремленности «внутрь» в речевой деятельности как индивида, так и сообщества в целом.

Ключевые слова: *самописание персоны через речь, внешние стимулы для речевых действий, речевая деятельность индивида, индивид как часть сообщества, антропоцентризм языка, точка зрения Говорящего.*

Постановка проблемы. Автор считает, что именно самописание, самооправдание человека как постоянно живущая в нем потребность вызывает речевые действия Говорящего при отражении всех обстоятельств, событий, наблюдаемых и переживаемых им вне его тела. Эти речевые акты, порождаемые к жизни в связи с внешними стимулами, посвящены максимально точно и подробно описанию того, что происходит с Говорящим. Собственно, всякая речевая деятельность в пределе (публицистика, дневники, художественный текст etc) имеет «внешней» причиной внешний стимул, но является по сути «внутренней», результатом «овнешнения» (в духе М.М. Бахтина) имманентной внутренней жизни, мыслительной деятельности, эмоций Говорящего, описываемых для самого Говорящего. Адресатом становится сам Говорящий, а случайным, нецелевым свидетелем речевой деятельности – Слушающий.

То же можно констатировать и для сообщества Говорящих – языкового сообщества.

Обзор литературы. Постулируемый со времен В. фон Гумбольдта «антропоцентризм языка» констатирует, что «язык... есть орган внутреннего бытия, само это бытие, находящееся в процессе внутреннего самопознания и проявления. Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний действует на язык, тем закономернее и богаче его развитие. Поскольку же язык в своих взаимозависимых связях есть создание народного языкового сознания, постольку вопросы, касающиеся образования языка в самой внутренней их жизни, и одновременно вопросы возникновения его существеннейших различий нельзя исчерпывающе разрешить, если не возвыситься до этой точки зрения» [Гумбольдт, 1984, с. 86].

Неогумбольдтианство в XX в. обновляет положения о взаимосвязи между языком как способностью индивидуального говорения и речепорождения и языком как средством духовного существования народа [Радченко¹, 1997].

Как пишет Й. Вайсгербер, между восприятием и говорением... возникает способ духовного видения (Auffassen) <...> Общение основано... не только на единстве объективного факта, но и прежде всего на едином видении его. То, о чем мы говорим, не является ни событием окружающего мира, ни чистым впечатлением, но впечатлением переработанным. Решающее влияние языкового владения на духовное видение дает подтверждение того, что однородность видения и духовных содержаний, являющаяся предпосылкой общения, возникает у членов языкового сообщества благодаря общему родному языку [Вайсгербер, 2004, с. 74].

В чем же состоит антропоцентризм, различными исследователями понимается по-разному. «Принцип антропоцентризма предполагает признание ведущей роли человека в организации и использовании языка, является одним из фундаментальных принципов, действующих при когнитивном освоении мира человеком <...> Антропоцентризм, однако, не значит только *body in the mind*, даже если имеет в человеческой телесности бесспорно свою основу. Ведь что другое, как не (наше! – А.М.) тело, основывает нашу расположенность и перспективу – место, где стоим (собственными ногами) и оттуда смотрим в мир (собственными глазами)? Это перспектива <...> а именно человеческая» [Галло, 2018, с. 39–40].

Исследователи отмечают также в рамках антропоцентризма когнитивное освоение действительности с точки зрения способности личности выражать в метафорическом значении информацию о разных аспектах человеческого опыта познания мира и себя [Абрамова, Васильева, Волкова, 2022, с. 6].

Цель статьи – поставить вопрос о связи сосредоточенности языковой личности на описании собственных переживаний, личных событий с фундаментальным антропоцентризмом языка (язык есть порождение человека, рожденное с ним и для него), с принципом тотального самоописания языковой общности в ее текстах.

¹ Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства: дис. ... д-ра филол. наук. М.: Метатекст, 1997. 308 с.

В работе применяется *метод* коммуникативного исследования процесса человеческого общения и поведения в условиях сбора диалектного материала.

Как указывает Б.А. Серебренников, «человек никогда не в состоянии отразить окружающий мир во всем его многообразии целиком и полностью», это происходит в процессе речевой деятельности, порождения множества индивидуальных текстов и их последовательностей [Серебренников, 1988, с. 87–91].

Деятельность по самосозданию единичных речевых образов окружающего мира, суммирующаяся в итоге их взаимодействия, создает сложное пространственно-временное единство пространства родного языка. Таким образом, по мнению Н. Лумана, общество есть структурно-детерминированная система лишь благодаря продолжению аутопойесиса коммуникации с обращением к ее собственным результатам и их предвосхищением. В самоописании общественной системы среда смысла становится формой, смысл рефлексивен [Луман, 2009, с. 287].

В этой связи автор полагает, что для Говорящего важна при его включении в речевую деятельность лишь точка зрения самого Говорящего, и – аналогично – для сообщества важна лишь точка зрения сообщества на события, какими бы сложными и многоаспектными они ни были.

Как пишет Н.С. Сергиева, в центре языкового сознания персоны находятся сам человек и его жизнь, а языковое сознание имеет положительную оценочность и является в целом оптимистичным (хорошо, счастье). При этом важными в жизни человека представляются его отношения с другими людьми, место, где он живет, материальное обеспечение, такие же значимые для него – эмоциональная и эстетическая стороны [Сергиева, 2009].

По мнению В.Е. Гольдина, речь на диалекте тяготеет к событийности, она всегда сосредоточена на человеке, и этим человеком преимущественно является сам рассказчик, а пределом конкретизации повествования выступает прямая речь участников передаваемых рассказчиком событий [Гольдин, 2011, с. 61].

Мы же полагаем, что саморазоблачение, самообнаружение являются составными частями самоописания. Поскольку самоосознание и самопонимание есть постоянные процессы, к тому же возобновляемые в своей активной фазе через вопрошания от внешних по отношению к персоне субъектов, то и тексты, описывающие себя, постоянно возобновляются, повторяются и варьируются (ср. определение «рассказ-пластинка» у диалектологов).

Так, при обращении в ситуации обыденного общения к некоему происшествию, например тому, как некий человек, возможно, и знакомый для собеседников, попал в неприятную ситуацию (к примеру, заболел, неудачно упал, стал жертвой мошенников и т.п.), можно наблюдать, что при выражении сочувствия дальнейшая речь Говорящего собеседника (не инициатора акта общения) будет посвящена описанию аналогичных ситуаций, происходящих или происшедших с самим Говорящим. Сочувствие собеседника как эффект общения при этом должно быть обращено именно к субъекту говорения, который подхватывает тему «чужой беды», рассказывая о «своих бедах» и собственных переживаниях. Это не будет особенностью пожилых собеседников, заведомо обладающих по отношению к инициатору общения гораздо более обширным опытом. Такое же речевое по-

ведение (вероятно, и речевое мышление) будет свойственно в ситуации эксперимента для большинства говорящих. Частотные конструкции для ввода самоописания: *а вот у меня, вот я, так у меня и случилось, недавно у меня так было* и т.п.

Ситуация общения со специалистом по сбору диалектных сведений, разумеется, отличается от ситуации обыденного разговора, поскольку вопросы задаются именно Говорящему. Ср.: [Собиратель]: *Песни пели?* [Информант]: *А то. У нас песенницы, от мама моя тоже, она хорошо песни пела, потом эта, тетя Маня, энта и вовсе она голосистая была и выводила...* [Ярмаркина, 2019, с. 97] (здесь и далее практически фонетическая запись Собирателя упрощена автором. – А.М.). Тем не менее можно констатировать, что от генеральной темы «описания себя» Информант фактически не уходит.

Ср. ситуацию с вопросом: «Теть Шур, Вы скажите, Вы сколько лет в селе [этом] живете?» – Информант отвечает: «Ну сколько, вот я как родилась, я ж в Листичке жила долго, да-а, там же у нас хутор большой был, Листичка, и много молодежи тогда и ребятишек было и молодых было, а мы такие, что уже подлюдахи [‘подростки’, диал.] были и подслушивали там, вот парочка сидят, разговаривает, подлезем и слушаем, чо они, ума набираемся, вот так...» [Там же, с. 95]. Ответ Информанта «тети Шуры» следует не на вопрос, заданный ей, а про то, что ей самой интересно, про ее родную деревню.

Далее приведен примечательный фрагмент, в котором Говорящая (=информант) признается в своей внутренней речи: «от, я уже кой-когда на ум приходит, старинные песни знаешь, прям так от них разговариваю или еще вроде как пою там в уме себе» [Ярмаркина, 2019, с. 98]. Приведенные выше записи сделаны в 2017 г. на севере Республики Калмыкия.

Сюжет следующий. Вопрос о знакомстве с будущим мужем и жизни с ним. Запись сделана в начале 2000-х гг. на Ангаре: «Ну, кому это интересно, как познакомились. Он был женатый, у меня тоже двое детей было. А познакомились – мне было девятнадцать лет, вот. Старшего сына я похоронила – сорок шесть лет было. Ой, ну как мы познакомились? Мы дойками работали, доярками. Ну, раньше то были дойки... Это то, что там коров подоить, это другое было – с места на место» [Цит. по: Корнилина², с. 96–97]. Информант отвечает не на вопрос, хотя и повторяет его, а рассказывает про то, как они занимались доением коров.

Подобного рода сюжеты вполне может умножить любой собиратель диалектной речи, причем как на селе, так и в ситуации города, при изучении уже просторечных вариантов русского языка. Важнее в данном случае ситуация спонтанного общения, во время которого Собиратель демонстрирует повышенный интерес к персоне (так кажется Информанту) опрашиваемого, что неминуемо влечет подробное описание жизненного пути, судьбы. Это явление отмечено многими исследователями, ср. [Волошина, 2008; Русская..., 2009; Гольдин, 2011; Язык..., 2015; Дубровская, 2015; Волошина, 2019]. На это же явление обращал внимание и автор данного текста вместе с коллегами [Михайлов, Михайлова, Ускова, Чижова, 2020, с. 6].

² Корнилина Ю.С. Мемораты старожиллов Нижнего Приангарья в лингвистическом аспекте: бакалаврская работа / науч. рук. О.В. Фельде. Красноярск: Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2016. 122 с.

Таким образом, ситуация Говорения вовне, как и ситуация Говорения «внутри» (как показано в примере выше), обуславливает речевую активность, обращенную, строго говоря, к себе, хотя в поле зрения коммуникатора может быть даже не одна персона-адресат. Собственно, точка зрения Говорящего находится внутри него, и вектор обращения речи – «от Говорящего к нему же как Слушателю». Говорящий, следовательно, оказывается сам для себя Слушателем, его внутренний «собеседник» может быть его полноценным Слушающим, с функциями подачи встречных реплик, одобрения, неодобрения, понуждения к прекращению Говорения или, наоборот, к продолжению.

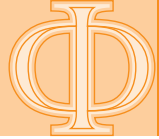
Возможно, это явление вызывается вынужденным одиночеством Говорящего во время его уединенной сельской жизни, обстоятельствами личного быта (большая часть собеседников Собирателей являются вдовами-вдовцами, одинокими пожилыми людьми, покинутыми своими детьми). В частности, возможно, именно формирование индивидуальных и личностных значений для многих лексем связано с этим обстоятельством, как на это обстоятельство наталкивает [Бубнова, 2008, с. 51].

Выводы. Автор видит языковой антропоцентризм и сосредоточенность речевого деятеля (индивидуального или коллективного) на самоописании двумя сторонами одного сложного процесса. Классическое понимание антропоцентризма указывает на «человекосообразность» окружающего мира (вектор – «от человека в мир»), например в метафорике, лексическом составе, словообразовании, грамматике и т.д. При этом возможно и понимание антропоцентризма языка и речи как порождение человеком речи и тезауруса (в широком смысле) для него самого, и ни для кого более (вектор – «от человека – внутрь человека»).

Для доказательства этого положения тексты диалектного общения в ситуации «сбора языкового материала» подходят весьма удачно: Собиратель пребывает в иллюзии полноценного общения, являясь всего лишь свидетелем внутренней речи, ее фрагментов большей или меньшей длительности, а Информант получает в дополнение к Слушателю «внутреннему» Слушателя «внешнего», создающего своим присутствием и деятельностью по сбору «жизненного материала» (для него сомнительна ценность «языкового материала» как такового) дополнительное «оправдание» своего бытия.

Библиографический список

1. Абрамова А.А., Васильева В.Л., Волкова М.Г. Оценочная семантика метафорических моделей «человек – это механизм» и «механизм – это человек» в русской языковой картине мира // Сибирский филологический форум. 2022. № 1 (18). С. 4–15. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-104>
2. Бубнова И.А. Когнитивный механизм формирования структуры субъективного значения слова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3 (016). С. 51–56.
3. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. 190 с.
4. Волошина С.В. Автобиографический рассказ как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 11–14.

5. Волошина С.В. Концепт «Жизнь» в речевом жанре автобиографического рассказа: константы и трансформация (на материале диалектной речи) // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 42–48. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-42-48
6. Галло Я. Когнитивные аспекты антропоцентрического моделирования языковой картины мира // Филологический класс. 2018. № 1. С. 39–42.
7. Гольдин В.Е. Русская деревня в рассказах ее жителей / под ред. Л.Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2009. 512 с. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 2. С. 60–63.
8. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 73–104.
9. Демьянков В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. С. 36–45. DOI: 10.20916/2071-9639-2016-27-36-45
10. Дубровская О.Н. Сложные коммуникативные события в рассказах о жизни представителей сельской речевой культуры // Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В.Е. Гольдина / отв. ред. О.Ю. Крючкова, Л.П. Крысин. М.; Саратов: Амирит, 2015. С. 45–54.
11. Кропачева К.И. Антропоцентрический подход к изучению антропонимического пространства английского языка // Культура и цивилизация. 2015. № 4–5. С. 17–30.
12. Луман Н. Самоописания. М.: Логос; ИТДГК Гнозис, 2009. 320 с.
13. Михайлов А.В., Михайлова Т.В., Ускова С.В., Чижова Е.А. Материалы к словарю рефлексивов Енисейской Сибири: антропонимы и топонимы в восприятии сибиряка. Красноярск: РИО СибГУ, 2020. 120 с.
14. Русская деревня в рассказах ее жителей / под ред. Л.Л. Касаткина. М.: АСТ-Пресс, 2009. 512 с.
15. Сергиева Н.С. Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании. СПб.: Наука, 2009. 316 с.
16. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 87–107.
17. Язык в пространстве речевых культур: к 80-летию В.Е. Гольдина / отв. ред. О.Ю. Крючкова, Л.П. Крысин. М.; Саратов: Амирит, 2015. 343 с.
18. Ярмаркина Г.М. Русская устная речь современного сельского жителя как представителя народно-речевой культуры // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 80–99. DOI:10.22162/2587-6503-2019-3-11-80-99

Сведения об авторе

Михайлов Алексей Валерианович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-17-24

SELF-DESCRIPTION OF A PERSON AND COMMUNITY AS MODES OF ANTHROPOCENTRICITY OF LANGUAGE AND SPEECH

A.V. Mikhaylov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The paper attempts to discover topological connections between the anthropocentric principle of language construction and speech activity and the appeal to the self-description of the linguistic personality and community. The stimulation of speech activity in a dialogue demonstrates this in an obvious way – whether the answers to questions, “catchy” and stimulating to speech activity words-stimuli, characterize the Speaker. On the other hand, the same self-description is characteristic of a Set of Speakers.

The purpose of this article is to raise the question about the link between the concentration of a linguistic personality on the description of their own experiences, personal events and the fundamental anthropocentrism of a language.

The paper uses *the method* of communicative research for the process of human communication and behavior in the conditions of collecting dialect material.

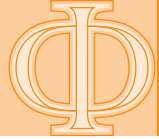
Research results. In epic, lyrical, author’s fiction and journalistic activities, the Community expresses itself through individual Speakers. The study of dialogical fragments of everyday speech shows the validity of the thesis of “self-description”.

The author comes to the *conclusions* about the pervasive “inward” tendency in the speech activity of both the individual and the community as a whole.

Keywords: *self-description of a person through speech, external stimuli for speech actions, speech activity of an individual, an individual as part of a community, anthropocentrism of language, a Speaker’s point of view.*

References

1. Abramova A.A., Vasilyeva V.L., Volkova M.G. Evaluative semantics of metaphorical models “man is a mechanism” and “mechanism is a person” in the Russian language picture of the world // Siberian Philological Forum. 2022. No. 1 (18). P. 4–15. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-104>
2. Bubnova I.A. Cognitive mechanism of the formation of the structure of the subjective meaning of the word. In: Questions of cognitive linguistics. 2008. No. 3 (016). P. 51–56.
3. Weisgerber J.L. Native language and the formation of the spirit. M.: Editorial URSS, 2004. 190 p.
4. Voloshina S.V. Autobiographical story as an object of linguistic research. In: Bulletin of Tomsk State University. 2008. No. 308. P. 11–14.
5. Voloshina S.V. The concept of “Life” in the speech genre of an autobiographical story: constants and transformation (based on the material of dialect speech). In: Genres of speech. 2019. No. 1 (21). P. 42–48. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-42-48

6. Gallo Ya. Cognitive aspects of anthropocentric modeling of the linguistic picture of the world // *Philological class.* 2018. No. 1. P. 39–42.
7. Goldin V.E. The Russian village in the stories of its inhabitants / Ed. by L.L. Kasatkin. Moscow: AST-PRESS, 2009. 512 p. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. A series of literature and language.* 2011. Vol. 70, No. 2. P. 60–63.
8. Humboldt V. von. On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind. In: Humboldt V. von. *Selected works on linguistics.* Moscow: Progress, 1984. P. 73–104.
9. Demyankov V.Z. On the anthropocentric direction in cognitive linguistics. In: *Cognitive studies of language / Ed. H.H. Boldyrev series.* Tambov: Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2016. Is. XXVII: *Anthropocentric approach in cognitive Linguistics.* P. 36–45. DOI: 10.20916/2071-9639-2016-27-36-45
10. Dubrovskaya O.N. Complex communicative events in stories about the life of representatives of rural speech culture // *Language in the space of speech cultures: to the 80th anniversary of V.E. Goldin / Ed. O.Yu. Kryuchkova, L.P. Krysin.* Moscow, Saratov: Amirit, 2015. P. 45–54.
11. Kropacheva K.I. Anthropocentric approach to the study of the anthroponymic space of the English language. In: *Culture and civilization.* 2015. No. 4–5. P. 17–30.
12. Luhman N. *Self-descriptions.* Moscow: Logos; Gnosis, 2009. 320 p.
13. Mikhaylov A.V., Mikhaylova T.V., Uskova S.V., Chizhova E.A. *Materials for the Dictionary of Reflexives of Yenisei Siberia: Anthroponyms and toponyms in the perception of a Siberian.* Krasnoyarsk: Publishing Haus of Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, 2020. 120 p.
14. *The Russian village in the stories of its inhabitants / Ed. by L.L. Kasatkin.* Moscow: AST-Press, 2009. 512 p.
15. Sergieva N.S. *Space and time of life's journey in the Russian language consciousness.* St. Petersburg: Nauka, 2009. 316 p.
16. Serebrennikov B.A. How is the reflection of the picture of the world in the language? In: *The role of the human factor in language: Language and the picture of the world.* Moscow: Nauka, 1988. P. 87–107.
17. *Language in the space of speech cultures: to the 80th anniversary of V.E. Goldin / Ed. by O.Y. Kryuchkova, L.P. Krysin.* Moscow, Saratov: Amirit, 2015. 343 p.
18. Yarmarkina G.M. Russian Oral Speech of a Modern Rural Resident as a Carrier of Folk Speech Culture. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2019. No. 3. P. 80–99. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-80-99

About the author

Mikhaylov, Alexey Valerianovich – PhD (Philology), Associate Professor, Head of Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-25-34

УДК 811.161.1

ОБРАЗ КНЯЗЯ В БЫЛИННОМ ТЕКСТЕ: АНАЛИЗ НОМИНАТИВНЫХ ФОРМУЛ

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Рассматриваются номинативные конструкции русских былин. Очевидно, что устная былинная традиция и традиции летописного текста опираются не только на различные мировоззренческие принципы, но и на пласты прошлого, а именно к более древним адресуются былинные тексты.

Цель исследования – проанализировать типичные номинативные формулы (номинации и атрибутивы), репрезентирующие образ князя в былинных текстах.

Материалом исследования выбраны публикации былин из собрания Кириши Данилова и С.И. Гуляева (Алтай).

Методика анализа основана на выявлении средств номинации князя в тексте.

Результаты исследования. В качестве типичных номинативных формул для репрезентации образа князя в былинных текстах выступают номинации и атрибутивы. Используются составные именованья, имеющие несколько элементов: *князь Владимир, ласковый князь Владимир* и т.п.

Автор приходит к *выводу*, что князь активен внутри собственного пространства, которое, по сути, является сакральным.

Ключевые слова: *структура номинаций, номинативные формулы, атрибутивы и номинации, русский былинный текст, образ князя.*

П*остановка проблемы.* В исследованиях, посвященных проблеме презентации верховного князя в былинных текстах, отмечается глубокая архаичность данного образа. Процедура поиска соответствий былинного князя князю летописному в различных научных школах, посвященных изучению текстов былин, приводит к неоднозначным результатам. На наш взгляд, так и должно быть, поскольку устная былинная традиция и зарождавшиеся традиции летописного текста опираются не только на различные мировоззренческие принципы, но и на пласты прошлого, что и доказывается в ряде исследований [Фроянов, Юдин, 1997].

Фольклорный текст является сложным сочетанием мифологических, исторических, социальных, этических представлений, выраженных по художественным законам, характерным для данного жанра и времени создания текста. Как известно, сложность фольклорного текста определяется еще и тем, что невозможно говорить о единстве системы представлений, отображенных в нем. Это связано с наличием «разностадиальных элементов», «разного уровня эволюции и неодинакового происхождения» [Путилов, 1994, с. 56].

Русский богатырский эпос, как любой героический эпос, формируется на этапе возникновения этнического самосознания, когда племенное самосознание сменяется этническим. Для этого периода характерен распад родовых отношений и смены племенных союзов раннегосударственными объединениями [Мелетинский, Неклюдов, Новик, 2021, с. 12].

Известно, что историческая школа изучения былин связывала их создание со временем расцвета Киевской Руси. Мифологическое направление создания былин относят к более раннему периоду. Еще в XIX столетии один из представителей мифологического направления русской фольклористики А.А. Котляревский утверждал, что «сказания о русских богатырях... создавались не в эпоху Владимира Святого: они были плодом всей предшествующей жизни народа, лебединой песнью народного творчества, питавшегося соками старинного предания... общими всего индоевропейского племени» [Цит. по: Баландин, 1989, с. 184].

Поскольку основной конфликт былинных текстов связан с защитой Русской Земли от врага богатырями и образ князя в былинах, как правило, не является основным, то именно это делает его наиболее «надежным» для анализа фоновых потестарных представлений, характерных для эпохи создания текстов данного жанра.

Обзор литературы. Номинативные формулы в именовании былинного князя. Исследователи языка фольклора не раз говорили о существовании в фольклорных текстах «более или менее стабильных языковых формул с идентичным содержанием», отмечая при этом фразеологическую спаянность многих лексем и синтаксических конструкций с «заданной экспрессией» и оценочностью [Оссовецкий, 1975, с. 72].

Нормативная поэтика фольклора предполагает использование постоянных номинаций и атрибутивов (эпитетов) для характеристики персонажа. В былинном тексте эти постоянные лексемы выражают определенную нормативно-идеальную оценку, оценку-формулу, закрепленную в процессе развития данного жанра. В ходе более чем столетних изысканий в области изучения языка фольклора и языка былин в частности исследователи обращают внимание на использование постоянных эпитетов как одно из основных средств типизации образов персонажей [Веселовский, 1989; Евгеньева, 1963; Селиванов, 1977; Ухов, 1957]. Постоянные эпитеты, или атрибутивы, являются важным элементом в номинативных формулах.

Понятие формульности фольклорного текста, собственно, и начиналось развиваться в фольклористике и в лингвистике на основе исследований о постоянных эпитетах. Устно-поэтические формулы мы понимаем «как средство выражения традиционного смысла, как результат многократного воспроизведения этого смысла и закрепления за ним наиболее адекватного языкового выражения» [Артеменко, 2001, с. 11]. Сравните также работу Г.И. Мальцева, посвященную обоснованию необходимости использования данного понятия при изучении фольклорных текстов [Мальцев, 1989]. Необходимо подчеркнуть, что закрепленность за формулами типизированных смыслов, выразивших коллективные мировоззренческие установки, делает исследования в этой области особенно актуальными.

Цель исследования – проанализировать типичные номинативные формулы (номинации и атрибутивы), репрезентирующие образ князя в былинных текстах.

Материалом для анализа служат былинные тексты, записи которых были сделаны на Урале и в Сибири. Они опубликованы в известных сборниках Кириши Данилова, а также (алтайские) в собрании И.С. Гуляева.

Методика анализа основана на выявлении средств номинации князя в тексте.

Результаты исследования. Далее рассмотрим типичные номинативные формулы (номинации и атрибутивы), репрезентирующие образ князя в былинных текстах.

Именованье для человека является важным и в современном мире, но для эпического времени «наименование представляет собой... абсолютную необходимость, связанную с глубинной сущностью человека» [Топорова, 1996, с. 6]. Когда же речь идет о наименовании древнего правителя, это становится особенно важным, поскольку архаическая модель мира предполагает идею прямого соответствия имени и его носителя [Топоров, 1980, с. 508–510].

Самым обычным способом презентации древнерусского князя в былине являются составные именованья из нескольких элементов: *князь Владимир, ласковый князь Владимир, Великий князь Владимир, ласковый государь князь Владимир, князь Владимир Солнышко Сеславьевич.*

Как нам представляется, наименования из трех элементов, построенные по модели «атрибутив + князь Владимир» (например, *ласковый князь Владимир*), можно отнести к одним из самых распространенных в былинных текстах:

Ко ласковому князю ко Владимиру [Илья Муромец. Первая поездка в Киев // БА, 1988, с. 37].

Или:

Поехал ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.

Он будет в городе Киеве,
Что у ласкова князя Владимира,

Среди двора княженецкого [Дюк Степанович // КД, 1938, с. 16–17].

Порядок слов в данной модели может меняться. Обычно имя собственное стоит в постпозиции по отношению к лексеме «князь», но может иногда занимать и препозицию:

И увидел *ласковый Владимир-князь* [Добрыня Никитич и отец его Никита Романович // БА, 1988, с. 72].

В былинных текстах наблюдается регулярная замена атрибутива «ласковый» на «великий» и менее регулярно – на атрибутивы «славный» и «стольный»:

Ко великому князю Владимиру [Дюк Степанович // КД, 1938, с. 16–17];

Что это за крепость во Киеве,

У великого князя Владимира! [Ставер боярин // КД, 1938, с. 87];

Они то ему поклонилися,

Великому князю Владимиру [Сорок калик со каликою // КД, 1938, с. 153];

А втапоры стольной Владимир князь

Не имел у себя стольников и чашников [Михайла Казаринин // КД, 1938, с. 139].

Очевидно, атрибутивы «великий» и «стольный» по своей семантике более близки к отображению социального статуса князя, хотя говорить о формировании княжеской титулатуры еще, видимо, рано. Кроме того, при анализе значения этих атрибутивов надо учитывать диффузность значения фольклорного слова [Никитина, 1997, с. 360–373; Хроленко, 2010, с. 25–60].

Интересно отметить, что с лексемой «стольный» появляется топонимический атрибутив «киевский». Это происходит в контекстах, связанных с ситуацией принятия посла (даже если и мнимого):

Говорил тут *Владимер стольной киевской*:

Гой ты еси, княгиня Апраксевна!

Я ли посла Василья проведаю –

Заставлю его из туга лука стрелять

Со своими могучими богатырями [Ставер боярин // КД, 1938, с. 90].

К анализируемым формулам иногда добавляются лексема «(го)сударь» в разных фонетических вариантах. Наименование строится по модели «атрибутив+ государь+ князь Владимир»:

У ласкова осударь князя Владимера [О женитьбе князя Владимера // КД, 1938, с. 60];

У ласкова осударь князя Владимера [Ставер боярин // КД, 1938, с. 87];

У славного сударь князя у Владимера [Три года Добрынюшка столичный // КД, 1938, с. 44].

Порядок слов и в этом случае не является постоянным, например, номинативная лексема «сударь» может находиться в пре- и постпозициях по отношению к атрибутивам:

Говорил он, сударь, *ласковой Владимер князь* таково слово [Три года Добрынюшка столичный // КД, 1938, с. 44];

У ласкова осударь князя Владимера [Ставер боярин // КД, с. 87].

Отчество «Сеславьевич» (или «Сеславьев») также можно отнести к частотным распространителям формульной номинации. Эта номинация используется совместно с лексемой «солнышко» или словосочетанием «красно солнышко», принадлежащими к семантической группе 'свет', давшей в индоевропейской традиции большое множество терминов власти (см., например, [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 790–792]; см. также работы о связи института полюдья и восприятия восточными славянами князя как воплощения Солнца [Колесов, 1986, с. 144; Фроянов, 1996, с. 458; Лисюченко, 2007, с. 15–21]).

Например:

Чтобы не увязывать до города до Киева,

До Солнышка до *Сеславьева* [Илья Муромец // БА, 1938, с. 33];

А скажите мне дорожку прямоезжую

Ко стольному городу ко Киеву.

Ко *ласкову князю Владимиру*,

Ко *солнышку* ко *Сеславьеву* [Илья Муромец // БА, 1938, с. 34].

У князя *Владимера*, у солнышка *Сеславьевича* [О женитьбе князя *Владимера* // КД, 1938, с. 68].

В позиции апеллятива могут добавляться термины родства, представленные лексемами «батюшка» и – редко – «дядюшка»:

Тот-то стала говорить княгиня:

Ты гой еси, *батюшка*, *Владимир-князь*! [Про Илью Муромца и царя *Калина* // БА, 1938, с. 46];

Сперва говорила *Забава Путятишна*: Гой еси мой, сударь, *дядюшка*, *Ласковой*, сударь, *Владимир князь* [Соловей Будимирович // КД, 1938, с. 8].

Термин родства в обращениях к князю обычно сочетается с местоимениями посессивной семантики «наш», «мой»:

Отошедши *Василий* поклоняется,

Говорит он таковы слова:

Ой ты гой еси, *наш батюшко*, *Владимир-князь* [*Добрыня Никитич* и *Василий Казимерской* // БА, 1938, с. 75].

Номинативная формула может быть достаточно распространенной и включать в себя одновременно 5–6 описанных выше элементов:

Говорит тут *Суханьша*, *Замантьев сын*:

«Ты гой еси, *батюшко*, *Володимер-князь*

Сеславьевич, *солнышко красное!*» [*Суханьша Замантьев* // БА, 1938, с. 106].

Составное наименование только из 2 элементов также является обычным способом презентации князя, и хотя оно используется и в начале былинного текста, все-таки чаще стоит в середине былины, когда князь *Владимир* – один из сюжетных элементов повествования, идущих друг за другом. При этом порядок слов в этой формуле, видимо, дополнительного значения не несет:

Встречу им-то *Владимер князь*, *Ездит он за охотою*, *Стреляет гусей*, *белых лебедей*, *Перелетных малых уточек*, *Лисиц*, *зайцов всех поганивавт* [*Сорок калик со каликами* // КД, 1938, с. 153];

И тут *молодцы побратались*,

Воротились назад ко князю Владимиру,

Идут они в палаты белокаменны [*Добрыня Никитич* и *Василий Казимерской* // БА, 1938, с. 75].

Этот тип номинации часто используется в контекстах, в которых князь действует как активный субъект:

А *втапору Владимир князь* он догадлив был,

Знает он, кого послать:

Послал он *Чурила Пленковича*

Выдавать платьнице женское цветное [О женитьбе князя *Владимера* // КД, 1938, с. 68];

Услыша о том, *Владимер князь*

Приказал сковать *Ставра боярина*,

На руки и на ноги *железа ему*,

Посадить его в погребы глубокие,
Затворять дверями железными,
Запирать накрепко замки булатными.
И *Владимер князь* посылал посла немилостивого
Ко Ставру боярину,

Чтоб двор его запечатати [Ставер боярин // КД, 1938, с. 88].

Наименование из 2 элементов появляется в прямой речи самого князя при ав-
тономинании:

На кого ты оставляешь стольный Киев-град,

На кого ты оставляешь меня, *князя Владимира*? [Добрыня Никитич и отец его
Никита Романович // БА, 1938, с. 63].

Следующий пример показывает, что в словах «автора» используется номина-
тивная формула из 3 элементов, а в словах самого князя – формула из 2 элементов:

Говорил он, сударь, *ласковой*

Владимер князь таково слово:

Гой еси вы, князи и бояра

И могучие богатыри!

Все вы в Киеве переженены,

Только я, *Владимер князь*, холост хожу [О женитьбе князя Владимира // КД,
1938, с. 61].

На наш взгляд, еще один возможный случай использования усеченной номи-
нативной формулы для наименования князя связан с контекстами, в которых бы-
линный князь представлен непочтительно, без эпического ореола:

И *Владимер князь* *окорачь* *наползался*,

И все тут могучие богатыри

Встают, как угорелые...

Плюнул Владимир князь,

сам прочь пошел... [Ставер боярин // КД, 1938, с. 92].

В таком же контексте используется наименование, состоящее из одной лексе-
мы «князь», – достаточно редкий случай для былинного текста:

А плюнул Князь, да и прочь пошел:

«Глупая княгиня, неразумная!

У те волосы долги, ум короток;

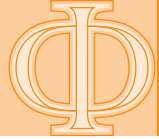
Называешь ты богатыря женщиною...» [Ставер боярин // КД, 1938, с. 91].

Таким образом, развернутые княжеские номинации связаны с одним из
основных модусов былинного текста – прославлением героев-богатырей, спо-
собствующих консолидации этноса. Отблески этой героики падают и на образ
князя. Именные формулы закрепляют идеальные представления о почти без-
деятельном, табуированном властителе, «ласковом» и «славном». В тех же слу-
чаях, когда в текстах эксплицируются конфликтные отношения между богаты-
рями и князем, показывающие, по мнению исследователей, рост новых соци-
альных сил, способствующих уходу в прошлое «власти князя родовых времен»
[Фроянов, Юдин, 1997, с. 32], именованья князя могут редуцироваться.

Выводы. В образе князя Владимира русский героический эпос зафиксировал архаический образ вождя. По мнению В.Я. Проппа, «идеализированный Владимир русского эпоса есть явление закономерное. Вокруг Владимира группируются богатыри – сам Владимир пассивен» [Пропп, 1999, с. 53]. Князь активен только внутри своего пространства, которое, по сути, является сакральным. Нахождение князя внутри гридни, приглашение богатырей и других гостей, «ласковая» совместная коммуникация, тесные родовые связи между пировавшими – все это было основой для закрепления постоянных номинаций и атрибутов в наименовании былинного князя. Как пишет А.С. Халилов, движение нехарактерно для древних образов князей в эпосах. Он отмечает лишь перемещения (да и то неудачные) князя Игоря в «Слове о полку Игореве». Князи же эпосов древности олицетворяли духовную высоту и нематериальную силу [Халилов, 2019, с. 70].

Библиографический список

1. Артеменко Е.Б. Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. 2001. № 3. С. 11–17.
2. Баландин А.И. Мифологическая школа в русской фольклористике. М.: Наука, 1988. 224 с.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
4. Былины и песни Алтая. Из собрания С.И. Гуляева / сост. Ю.Л. Троицкий. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1988. 392 с. (БА).
5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.
6. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисс. ун-та. 1984. Т. II. 1328 с.
7. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подг. текста, ст. и комм. С.К. Шамбинаго. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1938. 311 с. (КД).
8. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 348 с.
9. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: ЛГУ, 1986. 312 с.
10. Лисюченко И.В. Владимир Красно Солнышко и Илья Муромец: к истолкованию образов // ЭКО: Экология. Кругозор. Образование. 2007. № 1. С. 15–21.
11. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989. 165 с.
12. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М.: РГГУ, 2021. 285 с.
13. Никитина С.Е. О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // Облик слова: сб. ст. памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М.: Русские словари, 1997. С. 360–373.
14. Оссоветский И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 66–77.

15. Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 640 с.
16. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 235 с.
17. Селиванов Ф.М. Поэтика былин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 128 с.
18. Топоров В.Н. Имена // Мифы народов мира: в 2 т. М.: Советская Энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 508–510.
19. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 253 с.
20. Ухов П.Д. Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин // Русский фольклор. Материалы и исследования. II. М.; Л.: АН СССР, 1957. С. 129–154.
21. Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 591 с.
22. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 512 с.
23. Халилов А.С. Структурно-типологический анализ образа героя в славянских и огузских эпосах // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2019. № 2 (14). С. 67–72. DOI: 10.25587/SVFU.2019.14.32181
24. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 191 с.

Сведения об авторе

Михайлова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: ta.rada@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-25-34

THE IMAGE OF THE RUSSIAN KNYAZ IN THE EPIC TEXT: ANALYSIS OF NOMINATIVE FORMULAS

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The author considers nominative constructions of Russian epics in this work. It is obvious that the oral epic tradition and the traditions of the chronicle text are based not only on various ideological principles, but also on various layers of the past, namely, epic texts are addressed to the more ancient layers.

The purpose of the article is to analyze typical nominative formulas (nominations and attributes) representing the image of a knyaz (prince) in epic texts.

Research materials are publications of epics from the collection of Kirsha Danilov and from the collection of S.I. Gulyaev (Altai).

The methodology of the analysis is based on the identification of the means of knyaz nomination in the text.

Research results. Nominations and attributes are typical nominative formulas for representing the image of a knyaz in epic texts. Compound names consisting of several elements are used: Knyaz Vladimir, affectionate Knyaz Vladimir, etc.

The author comes to the *conclusion* that *knyaz* is active inside his own space, which is essentially sacred.

Keywords: *structure of nominations, nominative formulas, attributes and nominations, Russian epic text, image of knyaz.*

References

1. Artemenko E.B. Folklore text formation and ethnic mentality // Traditional culture. 2001. No. 3. P. 11–17.
2. Ancient Russian poems collected by Kirsha Danilov / Preparation of the text, article and comments by S.K. Chaminago. Moscow: State. publishing house of fiction, 1938. 311 p. (KD in the text).
3. Balandin A.I. Mythological school in Russian folklore. Moscow: Nauka, 1988. 224 p.
4. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar). Moscow: School “Languages of Russian Culture”, 1997. 576 p.
5. Epics and songs of Altai. From the collection of S.I. Gulyaeva / Comp. Yu.L. Trinity. Barnaul: Alt. book publishing house, 1988. 392 p. (BA in the text).
6. Veselovsky A.N. Historical poetics. Moscow: Higher school, 1989. 648 p.
7. Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical-typological analysis of proto-language and proto-culture. Tbilisi: Tbilisi University Publishing House, 1984. Vol. II. 1328 c.
8. Evgenieva A.P. Essays on the language of Russian oral poetry in records of the 17th–20th centuries. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 348 p.

9. Kolesov V.V. The world of man in the word of Ancient Rus'. Leningrad: Leningrad State University, 1986. 312 p.
10. Lisyuchenko I.V. Vladimir Krasno Solnyshko and Ilya Muromets: towards the interpretation of images // ECO: Ecology. Horizon. Education. 2007. No. 1. P. 15–21.
11. Maltsev G.I. Traditional formulas of Russian folk non-ritual lyrics. Leningrad: Nauka, 1989. 165 p.
12. Meletinsky E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S. Historical poetics of folklore: from archaic to classic. Moscow: RSUH, 2021. 285 p.
13. Nikitina S.E. On polysemy, diffusion of meanings and synonymy in the thesaurus of the language of folklore // The Shape of the Word. Collection of articles in memory of Dmitry Nikolaevich Shmelev. Moscow: Russian dictionaries, 1997. P. 360–373.
14. Ossovetsky I.A. On the language of Russian traditional folklore // Questions of linguistics. 1975. No. 5. P. 66–77.
15. Propp V.Ya. Russian heroic epic. Moscow: Labyrinth, 1999. 640 p.
16. Putilov B.N. Folklore and folk culture. St. Petersburg: Nauka, 1994. 235 p.
17. Selivanov F.M. Poetics of epics, Moscow: Publishing house Mosk. Univ., 1977. 128 p.
18. Toporov V.N. Names // Myths of the peoples of the world: in 2 volumes. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1980. Vol. 1. P. 508–510.
19. Toporova T.V. Culture in the mirror of language: ancient Germanic binomial proper names. Moscow: School “Languages of Russian Culture”, 1996. 253 p.
20. Ukhov P.D. Typical places (loci communes) as a means of certification of epics // Russian folklore. Materials and research. II. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. P. 129–154.
21. Froyanov I.Ya. Slavery and tribute among the Eastern Slavs. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1996. 512 p.
22. Froyanov I.Ya., Yudin Yu.I. Epic story. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1997. 591 p.
23. Khalilov A.S. Structural and typological analysis of the image of the hero in Slavic and Oghuz epics // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova: Epic Studies Series. 2019. No. 2 (14). P. 67–72. DOI: 10.25587/SVFU.2019.14.32181
24. Khrolenko A.T. Introduction to linguo-folkloristics: textbook. Moscow: Flint; Science, 2010. 191 p.

About the author

Mikhaylova, Tatiana Vitalyevna – PhD (Philology), Associate Professor, Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ta.rada@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-35-44

УДК 82-32

«ВОДКА С СОДОВОЙ»: ПОЭТИКА РАССКАЗА В.М. ШУКШИНА «ВЕРСИЯ»¹

А.И. Куляпин (Барнаул, Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Многие годы творчество Шукшина рассматривалось почти исключительно в русле традиций реализма, который понимался предельно просто – как правдивое изображение действительности. В современном шукшиноведении категория «правды» по-прежнему нередко выдвигается в качестве основополагающей для поэтики писателя. При этом не учитываются серьезные перемены, произошедшие в идейно-политической и культурной жизни Советского Союза в конце шестидесятых годов, а также изменения мировоззрения и художественных принципов позднего Шукшина.

Цель исследования – выявить эволюцию поэтики Шукшина, рассмотреть процесс трансформации понятия «правда» в его произведениях конца 1960-х – начала 1970-х гг.

В статье используются историко-культурный и структурно-семиотический *методы*.

Результаты исследования. Для Шукшина, как и для многих писателей-шестидесятников, ценность Правды была абсолютна и непреложна. Однако к концу 1960-х гг. понятие «правда» в шукшинских текстах проблематизируется. К началу семидесятых годов Шукшин и вовсе создает ряд произведений, в которых утверждается мысль о принципиальной невозможности установления объективной правды. Рассказ «Версия» (1973) в их числе.

Выводы. Шукшин чутко уловил, что к концу 1960-х гг. наивная «оттепельная» надежда на целебную силу Правды исчерпала себя. Началась эпоха Постправды. Рассказ «Версия», как и ряд других произведений конца 1960-х – начала 1970-х гг., отразил переход писателя на позиции философского скептицизма.

Ключевые слова: В.М. Шукшин, поэтика, семиотика, контекст, конфликт, герой, сказка, миф, копия, симулякр.

Постановка проблемы. Многие годы творчество Шукшина рассматривалось почти исключительно в русле традиций реализма, который понимался предельно просто – как правдивое изображение действительности. Типично суждение известного алтайского шукшиниста В.Ф. Горна: «Несомненно, что при чтении Шукшина создается иллюзия, будто “сама действительность” разговаривает с читателем, поворачивая к нему человека разными гранями его характера. Впечатление такой предельной приближенности созданного художествен-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

ного мира реальному достигается путем устранения всего, что может напомнить о “литературности”, о художественном мастерстве» [Горн, 1990, с. 238]. Н.А. Биличенко в обзоре критических отзывов о Шукшине справедливо заметил: «Новизна и самоценность образов Шукшина вызвали попытки сближения его рассказов с “физиологическим очерком”, с “русским очерком нравов”, с “нравственной и социальной штудией”. <...> Художественно-познавательная ценность его произведений между тем сводилась в критике к тезису об иллюстративности его произведений, оставалась связанной с сугубо “этнографически”-описательной стороной его прозы» [Биличенко, 1980, с. 218–219].

В современном шукшиноведении категория «правды» по-прежнему нередко выдвигается в качестве основополагающей для поэтики писателя. Так, В.К. Сигов безапелляционно утверждает: «Шукшина, конечно же, необходимость выявить правду волновала всегда» [Сигов, 2022, с. 14]. При этом не учитываются серьезные перемены, произошедшие в идейно-политической и культурной жизни страны в конце шестидесятых годов, а также изменения мировоззрения и художественных принципов Шукшина.

Цель статьи – выявить эволюцию поэтики Шукшина, рассмотреть процесс трансформации понятия «правда» в его поздних произведениях.

В работе используются историко-культурный и структурно-семиотический методы.

Результаты исследования. Эммануил Казакевич после XX съезда КПСС записал в дневник: «Съезд партии, как и ожидалось, стал большой вехой. И самое главное, что сказаны слова правды. Это даст, не может не дать великих результатов. Теперь правда – единственный врачеватель общественных язв... Правда и только правда» [Казакевич, 1963, с. 165]. Для Шукшина, как и для многих писателей-шестидесятников, ценность Правды также была абсолютна и непреложна. «А литература есть ПРАВДА, – записывает он в рабочей тетради. – Откровение. <...> Есть правда – есть литература» (выделено автором) [Шукшин, 2014, т. 8, с. 326]. В письме к литературному критику Ларисе Крячко, которая, посчитав Шукшин, призывала его «дать идеального героя наших дней», он сформулировал свое кредо так: «Мне бы только правду рассказать о жизни. Больше я не могу. Я считаю это святым долгом художника» [Шукшин 1981, с. 47, 48–49].

В середине 1960-х гг. Шукшин еще несколько раз возвращался к этому тезису. Однако уже к концу десятилетия понятие «правда» проблематизируется. В «Монолог на лестнице» (1968) Шукшин приписал интеллигентному человеку: «горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса “что есть правда?”» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 24].

Через год в статье «Нравственность есть Правда» (1969) Шукшин вроде бы уверенно декларирует: «*Нравственность есть Правда*. Не просто правда, а Правда. Ибо это мужество, честность, это значит – жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду» (курсив автора) [Шукшин, 2014, т. 8, с. 38]. Но в рукописи статьи был фрагмент, который не-

сколько подрывал пафос этого высказывания: «Есть на Руси еще один тип человека, в котором время, правда времени вопиет так же неистово, как в гении, так же нетерпеливо, как в талантливом, так же потаенно и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот – дурачок. <...> Герой нашего времени – это всегда “дурачок”, в котором наиболее выразительным образом живет его время, правда этого времени» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 353–354].

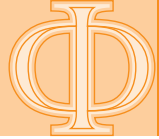
По Шукшину получается, что верным слепком конкретной социально-исторической среды, выразителем духа эпохи должен стать «чудик» («дурачок», «юродивый», «странник не от мира сего»). Между тем на деле именно с открытием нового типа героя – «чудика» – начинается постепенный отход Шукшина от реалистической манеры письма, от той «безыскусной правды» [Власенко, 1964, с. 194], за которую советские критики так ценили ранние рассказы писателя. Социальная детерминированность шукшинских характеров все более и более ослабляется, поскольку «странный» персонаж, конечно же, «выламывается» из типических обстоятельств, что демонстрирует проза и других авторов, привычно причисляемых к традиционализму [Ковтун, 2022, с. 4–19].

К началу семидесятых годов Шукшин и вовсе переходит на позиции философского скептицизма. Незадолго до смерти в ходе последней авторской правки он дописывает эпилог к рассказу «Дядя Ермолай» (1971): «И уж совсем мучительно – до отчаяния и злости – не могу понять: а в чем Истина-то? Ведь это я только так грамоты ради и слегка из трусости – величаю ее с заглавной буквы, а не знаю – что она?» [Шукшин, 1993, с. 78–79]. Такова концовка текста, который и без того в корне подрывает мысль о возможности установления объективной правды.

В нескольких шукшинских произведениях конца 1960-х – начала 1970-х гг. возникают сюжетные коллизии, напоминающие те, что возникают в игре «верю – не верю». Рассказ «Версия» (1973) в их числе.

Общая схема будущего рассказа была намечена Шукшиным в рабочих тетрадях: «Поехал Ванька Пузырь в город... Зашел в ресторашку. А там есть одна стеклянная стена. Ванька шагнул через нее. Ему сказали: “Три зарплаты”. Но пришла директриса... И... Жил с ней Ванька неделю, пил, гулял и – спал. В деревне не понимают: правда это или нет? На всякий случай – не верят» [Шукшин, 1993, с. 596].

Рассказ «Версия», созданный по данной канве, разумеется, гораздо сложнее и масштабнее этого наброска. В основе сюжета как будто бы привычный для раннего Шукшина конфликт – столкновение сельского жителя с городской цивилизацией. Однако система персонажей, ракурс рассмотрения, авторские оценки уже иные, что свидетельствует о значительности идейно-художественной эволюции, проделанной писателем к началу 1970-х гг. В центре его внимания теперь уже не тема враждебности города к человеку, как, например, в рассказе «Змеиный яд» (1964), и не однозначное противопоставление города идеализированному сельскому укладу жизни, как, например, в рассказе «Ленька» (1962), а, говоря словами самого Шукшина, «вторжение сегодняшнего дня в деревню вот в таком выверте неожиданном, где уж вовсе не благостность, не патриархальность никакая» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 189].

В рассказе «Версия», впрочем, вовсе не «сегодняшний день вторгается в деревню», скорее наоборот. Композиция рассказа строится на принципе зеркального удвоения основного события. Главный герой Санька Журавлев дважды действительно не входит, но буквально врывается в мир современной городской культуры. Сначала – шагнув через стеклянную стену ресторана, а в финале – выбив дверь незнакомой, «шикарной» квартиры.

Шукшин чутко уловил неудовлетворенность сельского жителя своей жизнью, противостояние деревни и города он «манифестировал <...>, с одной стороны, как личную, с другой – как цивилизационную проблему» [Фролова, Соловьева, 2023, с. 56]. «Мы же фраера! – разглагольствует Санька. – Мы думаем, что спать на панцирной сетке – это мечта жизни»². При этом характерно, что в своих фантазиях шукшинские герои не поднимаются выше элементарных бытовых удобств. Помимо кровати, любимым местом городской квартиры для Саньки Журавлева оказывается туалет: «...я пока один в квартире. Ванну принимаю, в туалете сижу...» Ванна отделана голубым кафелем, туалет – желтым (123).

Городское приключение Саньки Журавлева несводимо к забавному анекдоту, в нем, как в капле воды, отразились важнейшие процессы современной культуры. Постоянные реплики в сторону, отступления и комментарии героя устанавливают истинный масштаб происходящего. Санька старается не столько доказать односельчанам правдивость своего рассказа о поездке в город, сколько показать им, «как живут люди в двадцатом веке» (124).

Деревня, по мнению Саньки, безнадежно отстала от современности и даже не пытается наверстать упущенное, более того, мешает тем, кто хотел бы вырваться из застоя. «Сами живут... как при царе Горохе, и других не пускают», – возмущается он (125). «Во дни царя Гороха», как известно, означает «очень давно» [Фразеологический словарь, 2004, с. 718]. Не лишне добавить, что «присказка о времени царя Гороха встречается в разных восточнославянских сказках» [Бараг, Новиков, 1985, с. 472]. Например, в сказке «Три царства – медное, серебряное и золотое» из сборника А.Н. Афанасьева: «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасией Прекрасною; у них было три сына-царевича» [Народные русские сказки, 1985, с. 195].

Окружающие воспринимают рассказ Саньки Журавлева как анекдот, а для него – это что-то вроде современной сказки. Город в представлении Саньки – мир чудес, где по волшебству исполняются все желания: «Чего только моя левая нога захочет, я то немедленно получаю» (123). Три дня длится Санькино счастье в трехкомнатном царстве-государстве со скатертью-самобранкой, бесперебойно поставляющей «курочек, разные заливные...», шампанское, виски и прочее (123).

² Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9 т. Барнаул: Изд. дом «Барнаул», 2014. Т. 6. С. 123. Далее рассказ «Версия» цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте в круглых скобках.

Самые большие сомнения у слушателей возникают, когда Санька расписывает, как внезапно, с первого взгляда, директриса ресторана вспыхнула к нему любовью. Но в сказочном контексте такое в порядке вещей: «Долго царевич с царевной разговаривали и так полюбили друг друга, что и расставаться им не хотелось» [Народные русские сказки, 1985, с. 197]. От сказочника, естественно, не ждут объяснений, за что же царевна золотого царства полюбила Ивана-царевича.

Подобно сказочным и былинным героям, Санька Журавлев и Егорка Юрлов оказываются на перепутье трех дорог. В былинах и сказках надпись на придорожном камне (столбе) варьируется в очень широких пределах: «И на камешке было подписано: / “В первую дороженку ехать – убиту быть, / В другу дороженку ехать – женату быть, / Третью дороженку ехать – богату быть”» [Былины, 1986, с. 66]; «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется» [Народные русские сказки, 1985, с. 332]. Надо учитывать, «что дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути; выбор дороги – выбор жизненного пути; перекресток – всегда поворотный пункт жизни фольклорного человека» [Бахтин, 1975, с. 271].

Герой Шукшина, в отличие от былинно-сказочного, не ищет единственно правильный путь: «“Направо”, “Налево”, “Прямо!” – командовал Санька» (125). Его маршрут точно описывает другая сказочная формула – он «идет туда, не зная куда» – это движение без адреса. «Адрес-то не знаешь, что ли?» – спрашивает Егорка. – «Адресов я никогда не помнил – на глаз лучше всего», – честно признается Санька (125).

Результат странствия шукшинских «орлов» неутешителен. Они теряют свободу («получили по пятнадцать суток») и «коня»: «А у Егорки еще и права на полгода отняли» (127). Но даже такой ценой завоевать признания «царевны» им не удастся. «Странно, однако, – подытоживает последствия скандальной поездки рассказчик, – что деревенские после всего этого в Санькину историю полностью поверили. <...> Санька долго еще ходил по деревне героем» (127).

Перемена в восприятии односельчанами Саниных баек имеет принципиальное значение – по сути, из нелепой сказки рождается миф. Разграничение между сказкой и мифом идет в том числе «по линии <...> строгая достоверность – нестрогая достоверность» (разрядка автора) [Мелетинский, 2000, с. 262]. Санькина сказка, в которую поверили все, превращается в миф.

Санька, несмотря на то, что в селе отношение к нему изменилось, конечно, герой не настоящий. Им движет «жажда духовной самобытности, личностного самоутверждения, вылившаяся в уродливую форму геростратовых самооговоров» [Сердюченко, 1980, с. 242]. Сложившийся у деревенских жителей комплекс социально-культурной неполноценности требует «сверхкомпенсации», порой действительно приобретающей вид едва ли не психической патологии.

«Сельские психоаналитики» ставят Саньке Журавлеву четкий диагноз: «Догадывались, что Саня потому и выдумал эту историю, чтобы хоть так отыграться

за то, что деревенские девки его не любили» (123). В полном согласии с психоанализом, уже фрейдовским, можно сказать, что «дело идет здесь о бегстве из реальности и возвращении к инфантильным источникам наслаждения» [Ранк, Захе, 1997, с. 129]. «Поганые подробности» (124), которыми откровенно делится с мужиками Санька, ясный симптом его сексуальной неудовлетворенности.

Классический психоанализ исходит из того, что все художественные образы «суть только бессознательное поэта, которое он, чтобы освободиться от него, вы-явил наружу, *проецировал*» (курсив автора) [Ранк, Захс, 1997, с. 131]. «Проекция» Саньки Журавлева не зря изобилует отсылками к театру и кино: «А вот я видел в кино...» (123); «...эта комедия» (124); «Саньку повело на спектакль...» (124). К рассказу «Версия» вполне применимо знаменитое шекспировское изречение: «Весь мир – театр. / В нем женщины, мужчины – все актеры» [Шекспир, 1993, с. 148]. К нему стоит добавить еще и не менее знаменитый кальдероновский постулат: «Жизнь есть сон». Герои драмы Кальдерона не в состоянии отличить сон от яви. «Быть может, я лишь сплю и грежу, / Хотя себя неспящим зрю?» – сомневается принц Сехизмундо [Кальдерон, 1989, с. 62]. Санька Журавлев тоже, по сути, стирает грань между сном и действительностью, используя парадоксальную формулу: «Как во сне жил» (123).

Вообще, герои поздних произведений Шукшина пребывают, как правило, не в реальном мире, а в мире подделок, имитаций, симулякров. Важно подчеркнуть, симулякр – это не просто ложная копия. По глубокому и точному определению Жюлья Делеза, «симулякры – претенденты, не имеющие основания, тщательно скрывающие отсутствие сходства, несущие внутренний дисбаланс», а симуляция «обозначает лишь внешний и вовсе не продуктивный результат подобия. Этот результат получен за счет хитрости, уловки или ниспровержения» [Делез, 1998, с. 229, 230–231].

Санька утверждает, что в городе осуществились все его фантазии, но озвучивает он только одну: «“А вот я видел в кино: наливает человек немного виски в стакан, потом туда из сифончика... Ты можешь так?” – “Это, говорит, называется виски с содовой. Сифон у меня есть, виски счас привезут”. Точно, минут через пятнадцать привезли виски. Они мне, кстати, не поглянулись. Я пил водку с содовой. От так от нажимаешь курочек на сифончике, оттуда как даст в стакан... Прелесть» (123). Виски с содовой, которым якобы угощает Саньку директриса ресторана, – это копия (кино)копии. Произошла, если верить герою, материализация когда-то увиденного на экране. А вот «водка с содовой» – это уже чистой воды симулякр. За внешним подобием (и там и там – алкогольный напиток плюс газировка) – тщательно скрываемое отсутствие сходства. Виски с содовой похожи на водку с содовой не намного больше, чем «шторы такие зеленые, с листочками...» (123) из городской квартиры похожи на настоящий лес. Столь же мало общего и между кроватью из карельской березы, дерева настолько ценного, что его продают килограммами, а не кубометрами, и Санькиной самодельной «кроватью из простой березы» (123).

Столкнувшись с недоверием земляков, Санька решается подтвердить истинность своих слов экспериментально: «Поедем, – приказным голосом сказал Санька. – Надоела мне эта комедия: им рассказываешь как добрым, а они, стерва, хаханьки строят. <...> Саньку повело на спектакль – он любил иногда “выступить”, но при всем том... При всем том он предлагал проверить, правду ли он говорит или врет. Это серьезно» (124). Однако практическая проверка как способ установления истины оказывается совершенно неэффективной. Хотя односельчане в итоге в Санькину историю полностью поверили, она, разумеется, не стала правдоподобнее из-за того, что герои устроили в городе дебош и заработали пятнадцать суток.

У слов «вера», «проверка» и «версия» разное значение, но их созвучие в тексте рассказа не случайно. «Вера» – это «убеждение в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью», «версия» – это «одно или несколько изложений, толкований какого-нибудь факта, события» [Ушаков, 2013, с. 54, 55]. «Проверить», то есть «удостовериться в правильности или ошибочности чего-нибудь» [Ушаков, 2013, с. 539], в художественном мире позднего Шукшина невозможно, можно лишь на веру выбирать одну из одинаково сомнительных версий.

Выводы. Период несколько наивной надежды на целебную силу Правды оказался в Советском Союзе очень коротким. Уже с конца шестидесятых годов, как чутко уловил Шукшин, начинается эпоха Постправды, и длиться она будет не в пример дольше.

Библиографический список

1. Бараг Л.Г., Новиков Н.В. Примечания // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1985. Т. 1. С. 432–505.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
3. Биличенко Н.А. Герой В. Шукшина в оценках критики // Русская литература. 1980. № 2. С. 218–227.
4. Былины: сб. Л.: Сов. писатель, 1986. 552 с.
5. Власенко А. Труд – поэзия! // Октябрь. 1964. № 12. С. 194–195.
6. Горн В.Ф. Василий Шукшин. Личность. Книги. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. 248 с.
7. Делез Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск: Водолей, 1998. С. 225–240.
8. Казакевич Э. Из дневников и писем // Вопросы литературы. 1963. № 6. С. 152–174.
9. Кальдерон П. Жизнь есть сон // Драмы: в 2 кн. М.: Наука, 1989. Кн. 2. С. 5–133.
10. Ковтун Н.В. Герои-мужчины в поисках мудрости (на материале прозы В.Г. Распутина) // Сибирский филологический форум. 2022. № 3 (20). С. 4–19.
11. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 3-е изд. М.: Восточная литература РАН, 2000. 407 с.

12. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1985. Т. 1. 512 с.
13. Ранк О., Захс Х. Значение психоанализа в науках о духе // Ранк О. Миф о рождении героя. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. С. 21–154.
14. Сердюченко В. Надежность традиции // Новый мир. 1980. № 9. С. 237–244.
15. Сигов В.К. Художественная полемика с идеологическими штампами эпохи в творчестве В.М. Шукшина // Литература в школе. 2022. № 4. С. 11–26. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-11-26
16. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.
17. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. М.: Флинта: Наука, 2004. Т. 2. 832 с.
18. Фролова А.В., Соловьева О.А. В. Шукшин в диалоге с XXI веком: современные театральные рецепции // Сибирский филологический форум. 2023. № 3 (24). С. 51–62. DOI: 10.24412/2587-7844-2023-324-51-62
19. Шекспир У. Как вам это понравится // Собрание сочинений: в 8 т. М.: Интербук, 1993. Т. 5. С. 105–214.
20. Шукшин В.М. Вопросы самому себе. М.: Молодая гвардия, 1981. 256 с.
21. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 6 т. Повести для театра. М.: Молодая гвардия, 1993. Т. 3: Рассказы 1970-х годов. 607 с.
22. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9 т. Барнаул: Изд. дом «Барнаул», 2014.

Сведения об авторе

Куляпин Александр Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург); e-mail: iskander58@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-35-44

“VODKA-AND-SODA”: THE POETICS OF V.M. SHUKSHIN’S STORY “VERSION”

A.I. Kulyapin (Barnaul, Saint Petersburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. For many years, Shukshin’s work was considered almost exclusively in line with the traditions of realism, which was understood very simply – as a truthful depiction of reality. In modern Shukshin studies, the category of “truth” is still often put forward as fundamental for the poetics of the writer. This does not take into account the serious changes that took place in the ideological, political, and cultural life of the Soviet Union in the late sixties, as well as changes in the worldview and artistic principles of the late Shukshin.

The purpose of the study is to reveal the evolution of Shukshin’s poetics, to consider the process of transformation of the concept of “truth” in his works of the late 1960s – early 1970s.

Research methodology includes historical-cultural and structural-semiotic methods.

Research results. For Shukshin, as well as for many writers of the sixties, the value of Truth was absolute and immutable. However, by the end of the 1960s, the concept of “truth” in the Shukshin’s texts was problematized. By the beginning of 1970s, Shukshin had created a number of works where the idea of the fundamental impossibility of establishing objective truth was stated. The story “Version” (1973) is among them.

Conclusions. Shukshin sensitively grasped that, by the end of the 1960s, the naive “thaw-like” hope for the healing power of Truth had exhausted itself. The Post-Truth era began. The story “Version”, as well as a number of other works of the late 1960s – early 1970s, reflected the writer’s transition to the position of philosophical skepticism.

Keywords: *V.M. Shukshin, poetics, semiotics, context, conflict, hero, fairy tale, myth, copy, simulacrum.*

References

1. Barag L.G., Novikov N.V. Notes // Folk Russian tales of A.N. Afanasyev: in 3 vols. Moscow: Nauka, 1985. Vol. 1. P. 432–505.
2. Bakhtin M.M. Questions of literature and Aesthetics. Studies of different years. Moscow: Art. lit., 1975. 504 p.
3. Bilichenko N.A. Hero V. Shukshin in the assessments of criticism // Russian literature. 1980. No. 2. P. 218–227.
4. Epics: Collection. Leningrad: Soviet Writer, 1986. 552 p.
5. Vlasenko A. Work – poetry! // October. 1964. No. 12. P. 194–195.
6. Gorn V.F. Vasily Shukshin. Personality. Books. Barnaul: Alt. kn. publishing house, 1990. 248 p.
7. Deleuze J. Plato and the simulacrum // Intentionality and textuality. Philosophical thought of France of the XX century. Tomsk: Publishing house “Aquarius”, 1998. P. 225–240.
8. Kazakevich E. From diaries and letters // Questions of literature. 1963. No. 6. P. 152–174.

9. Calderon P. Life is a dream // Dramas: in 2 books. Moscow: Nauka, 1989. Book 2. P. 5–133.
10. Kovtun N. Male heroes in search of wisdom (based on the material of V.G. Rasputin's prose) // Siberian Philological Forum. 2022. No. 3 (20). P. 4–19.
11. Meletinsky E.M. The poetics of myth. 3rd ed. Moscow: Publishing company "Oriental Literature" of the Russian Academy of Sciences, 2000. 407 p.
12. Folk Russian fairy tales by A.N. Afanasyev: in 3 vols. Moscow: Nauka, 1985. Vol. 1. 512 p.
13. Rank O., Sachs H. The meaning of psychoanalysis in the sciences of the spirit // Rank O. The myth of the birth of a hero. Moscow: Refl-book; Kiev: Vakler, 1997. P. 21–154.
14. Serdyuchenko V. Reliability of tradition // Novy Mir. 1980. No. 9. P. 237–244.
15. Sigov V.K. Artistic polemics with ideological stamps of the epoch in the work of V.M. Shukshin // Literature at school. 2022. No. 4. P. 11–26. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-11-26
16. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary of the modern Russian language. Moscow: Adelant, 2013. 800 p.
17. Phraseological dictionary of modern Russian literary language: in 2 vols. Moscow: Flint: Nauka, 2004. Vol. 2. 832 p.
18. Frolova A.V., Solovyova O.A. V. Shukshin in dialogue with the XXI century: modern theatrical receptions // Siberian Philological Forum. 2023. No. 3 (24). P. 51–62. DOI: 10.24412/2587-7844-2023-324-51-62
19. Shakespeare U. As you like it // Collected works: in 8 vol. Moscow: Interbook, 1993. Vol. 5. P. 105–214.
20. Shukshin V.M. Questions to yourself. Moscow: Molodaya gvardiya, 1981. 256 p.
21. Shukshin V.M. Collected works: in 6 vols. Stories for the theater. Moscow: Molodaya gvardiya, 1993. Vol. 3: Stories of the 1970s. 607 p.
22. Shukshin V.M. Collected works: in 9 vol. Barnaul: Publishing house "Barnaul", 2014.

About the author

Kulyapin, Aleksandr Ivanovich – DSc (Philology), Professor of the Department of Literature, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia); Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky (Saint Petersburg, Russia); e-mail: iskander58@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-45-53

УДК 82-32

ОБРАЗ АНТИГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ: ОТ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА К МЕТАФИЗИЧЕСКОМУ РЕАЛИЗМУ¹

М.В. Ларина (Красноярск, Санкт-Петербург, Россия)

Л.Е. Орешина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Образы культурного героя и антигероя в отечественной словесности второй половины XX в. существенно трансформируются. В прозе традиционализма на первый план выходит бытийная проблематика, при этом вновь актуализируется образ антигероя как представителя человечества, потерявшегося в хаосе истории. Во многом пересекаясь с экзистенциальными поисками традиционализма, метафизический реализм исследует генезис и формы доступного человечеству знания о лежащем вне эмпирического, но мыслимом целом. Исследователи метафизического реализма обращают внимание на стремление авторов переосмыслить наследие русской классики с ее пристрастием к «лишним людям», «парадоксалистам», «маленьким людям». При этом не учитывается пародийный характер образов антигероев метафизического реализма. Данную особенность нам видится целесообразным отследить на примере творчества Ю. Мамлеева.

Цель исследования – выявить истоки и проследить эволюцию образа антигероя метафизического реализма на примере прозы Ю. Мамлеева.

Методология. Используются историко-культурный и структурно-семиотический методы.

Результаты исследования. К концу XX в. актуализируются философские поиски художников слова в попытке осознать и исправить кризисное состояние действительности и мироощущения человека. В результате появляются индивидуальные творческие методы на стыке философии и искусства. Одним из таких методов является метафизический реализм Юрия Мамлеева, описывающий как черты видимой, осязаемой жизни, так и невидимую человеку трансцендентную реальность. Настоящий герой метафизического реализма имеет все черты антигероя: обособленность от мира, близость к смерти – «обрыв в Ничто», болезненную пассивность. Потребность высказаться, описать собственную внутреннюю жизнь определяет форму большинства произведений – «антиисповедь». Патологическое состояние нарратора – основа для создания сюжета отчуждения. Идея чуждости сознания материально-эмпирическому миру в известной мере объясняет выбор специфической позиции: в рассказе «Яма» после перехода героя в пустоту следуют его рассуждения из потустороннего мира. Трагический субстрат повествования сочетается с комическим, пародийным, что позволяет создать образ героя морально ужасного, но способного совершить трансгрессию.

Выводы. Ю. Мамлеев в поисках культурного героя создает, по сути, антигероя, обладающего способностью к движению – персонажа, который хочет познать истинную природу бытия, но в своих поисках зачастую переступает черту. В фиктивном мире автора только такие маргинальные, девиантные герои способны на трансгрессию, которая, в свою очередь, помогает осознать «экзистенцию» в выходе за пределы законопослушного поведения [Зенкин, 2019, с. 74] и двигает, по мысли автора, культуру вперед.

Ключевые слова: антигерой, традиционализм, метафизический реализм, Юрий Мамлеев.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Постановка проблемы. Ключевой фигурой персонажной сферы любой формы повествовательного искусства является *герой* – культурный архетип, перекочевавший в сферу художественного. По замечанию А.В. Кореневского, героический «мономиф» «пронизывает собою все страты культуры и все эпохи» [Кореневский, 2019, с. 11]. Анализируя современную повествовательную практику и связывая ее с глубинной психологией К.Г. Юнга и мифологическими изысканиями Дж. Кэмпбелла, Кр. Воглер в качестве драматических функций-характеристик *героя* выделяет: идентификацию аудитории, развитие, действие и жертвенность [Воглер, 2015, с. 71–72]. Юнг считал, что *архетип героя* является самым древним и самым жизнеспособным из всех, и рассматривал такие религиозные личности, как Будда, Христос или Мухаммед, как различные олицетворения *героя* (в книге «Архетипы и коллективное бессознательное»). Путешествие *героя* – это в конечном счете путь к самоинтеграции, целостности своего психического, телесного и духовного Я. Конечный пункт назначения, который Юнг назвал «индивидуацией», – состояние целостности и завершенности, и оно включает в себя объединение противоположностей. Действительно, *coincidentia oppositorum* (совпадение противоположностей – понятие, заимствованное у Гераклита) является движущей силой в становлении *героя*, которому противопоставлен *антигерой*, то есть субъект, лишенный целостности и предрасположенности к движению [Cybulska].

Обзор литературы. Актуализация *антигероев* в культуре определенного времени является следствием катаклизмов, обрушивающих прежний социальный порядок [Лотман, 2000, с. 29]. В отечественной литературе конца XIX в. антигерой, с одной стороны, продолжает линию байронических героев европейской прозы (например, многих персонажей О. де Бальзака), с другой – обозначает новый ряд – «лишних людей» (начиная с Онегина и Печорина), чье бытие безрадостно, бессмысленно, подчинено условностям. Таковы Иудушка Головлев М.Е. Салтыкова-Щедрина, Николай Ставрогин Ф.М. Достоевского, Позднышев Л.Н. Толстого и множество других персонажей [Горелова, Хлопонина, Безрукова, 2022, с. 181]. Образ антигероя пользовался спросом и в литературе конца XIX–XX в. Мироощущение, аккумулирующее в себе «одинокость, рефлексивность, восприятие мира как враждебного, раздвоение и озлобление, обостренную реакцию на мир, бегство в трансцендентное Ничто, ощущение абсурдности бытия» [Заманская, 2002, с. 33–34], драматизировало сознание персонажа и его отношения с миром. А. Чехов («Скучная история», «Ионыч»), Л. Андреев («Мысль», «Бездна»), В. Маяковский («Облако в штанах») продолжили развивать образ антигероя, создавая его вариации. Значимое место антигерой занимает в парадигме русского постмодернизма в творчестве писателей, в большей или меньшей степени близких ей: Ирина Тараканова в «Русской красавице» В. Ерофеева, Эдичка в романе Э. Лимонова, Зилов в пьесе А. Вампилова «Утиная охота» и др. Одним из антигероев в постсоветской литературе является главный герой текста В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998).

Основными чертами антигероя можно назвать кризисное сознание, «ничтожность», которая берет начало из постоянной интеллектуальной и эмоциональной потребности персонажа в отрицании законов мироздания. В самораскрытии центральное место занимают мотивы неприкаянности и одиночества, пафос почти тотального отрицания всех предшествующих культурных парадигм.

Актуальность образа антигероя, трикстера в литературе второй половины XX в. объяснима рядом причин [Ковтун, 2022]. В отечественной прозе изображаемый субъект этого периода формировался как полная противоположность герою соцреалистическому: «Вместо передового члена общества воссоздавался социальный и, так сказать, духовный маргинал; вместо победителя – явный неудачник. Высокие цели борца за коммунизм были заменены решением сугубо бытовых проблем; оптимистическое восприятие – трагическим; чувство коллектива – одиночеством; жизненные перспективы – полной безысходностью...» [Мережинская, 2001, с. 57–58]. К концу столетия кризисное состояние европейской культуры вообще отразилось в образах антигероев русскоязычной прозы: непреходящая усталость, духовное аутсайдерство, нелюбовь к ближнему, разрушение казавшихся незыблемыми основ бытия и испытываемое от этого чувство отчаяния. Это обстоятельство обостряет ситуацию, когда действительность не воспринимается объективно, а заново конструируется в литературе, актуализируя философские поиски художников слова в попытке осознать и исправить текущее положение вещей. В результате этого процесса появляются индивидуальные творческие методы на стыке философии и искусства.

Цель исследования – выявить истоки и проследить эволюцию образа антигероя метафизического реализма на примере прозы Ю. Мамлеева.

Методология. Используются историко-культурный и структурно-семиотический методы.

Результаты исследования. Одним из таких методов является метафизический реализм Юрия Мамлеева, описывающий как черты видимой, осязаемой жизни, так и невидимую человеку трансцендентную реальность. Основные философские понятия, которыми оперирует реализм этого типа, вводя их в пространство художественного текста: Ничто, Абсолют, Бездна и т.д. Ключевым принципом для понимания творчества автора становится «метафизика», в основе которой лежит понятие о наличии всеобщей мировой связи. Генезис и формы доступного человечеству знания о лежащем вне эмпирического, но мыслимом целом являются главными предметами исследования. Схожие авторские изыскания Ю. Мамлеев находил в творчестве В. Распутина, считая его одним из тончайших «метафизиков» современности. Свою связь с поэтикой художника-традиционалиста Мамлеев подчеркивал в интервью [Мамлеев, 2019, с. 41–42]. На уровне художественной преемственности переключки находим в «мужских» образах антигероев Распутина: «маленький и прибитый», безвольный пьяница Илья, сын старухи Анны («Последний срок»), дезертир Андрей («Живи и помни»), «архаровец» Петруха («Прощание Матерой») [Ковтун, 2022, с. 5–17]. В антигероях Распутин акцентирует шутовское (Илья, Петруха), оборотническое (Андрей) начала, выводя на передний план поэтику inferнального [Ковтун, Степанова, 2014]. Данный принцип будет реализован и в прозе Мамлеева.

Ведущим приемом создания художественной картины мира автора является оксюморон, позволяющий объединить контрастные типы: «...ужасное как эстетическая категория взаимодействует у писателя с комическим, необычным, странным, страшным, сновидческим», – отмечает Н. Нагорная [Нагорная, 2006, с. 191]. Метафизический принцип отражается в выборе писателем особого нарративного ракурса. В рассказах «Многоженец», «Яма», «Дневник молодого человека», «Ваня Кирпичников в ванне», «Тетрадь индивидуалиста» в роли рассказчика выступает патологически болезненная личность. В повествовательной перспективе сознания рассказчика действительность принимает вид бессмысленно-алогичный, иррациональный.

Присущая антигерою обособленность от мира проявляется в характеристиках нарратора, социальные связи которого ослаблены или сведены к условным позициям: сосед, коллега, муж. Неопределенность семейного статуса, профессии, возраста, места деталей, определяющих психологическое поведение и социальные установки, рисует абстрактный, унифицированный образ. Показательно, что текст «Многоженец» имеет подзаголовок «Рассказ отчужденного человека».

В дневниковых записях повествователей присутствует исповедальное начало, но их признания – это непокаянная исповедь, так как антигерою Ю. Мамлеева – человек, который ищет не бога, а выход в Абсолют. Повествователь в рассказе «Тетрадь индивидуалиста» говорит: «Смерть вошла в мою душу вместе с первым поцелуем матери. Причем смерть жестокая, “атеистическая” – обрыв в *ничто*» [Мамлеев, 2019]. В этом видится параллель с классическим образом «Парадоксалиста» Ф.М. Достоевского, исповедальное высказывание которого Д.В. Васильев определяет как «антиисповедь». Для героя «антиисповедь» – высказывание – это, как ни странно, попытка преодолеть отчуждение, выйти к людям, что получается сделать только в пространстве создаваемого самим героем-нарратором текста. Вскрывая собственные гордость, стыд, дурные мысли и поступки, презрение к людям и одиночество, самоуничижаясь и самовозвеличиваясь одновременно, «подпольный человек» в своем монологе моделирует страшный, перевернутый мир изнанки человеческого бытия [Васильев, 2019, с. 118]. Картина мира антигероя не предполагает наличия такого начала, несущего в себе аксиологические ориентиры, что делает любые покаяния бессмысленными, девальвирует ценность раскаяния. «Исповедуясь», персонаж Мамлеева описывает постепенный выход из эмпирической реальности и погружение в мысли о привлекательности смерти или в гротескно-абсурдную картину мира, созданную воображением [Романовская, 2013, с. 60].

Патологические состояния нарраторов – основа для создания сюжета отчуждения. Идея чуждости сознания материально-эмпирическому миру объясняет выбор специфической позиции: в рассказе «Яма» после перехода героя в пустоту следуют его рассуждения из потустороннего мира. Частотное использование многоточий свидетельствует об ослаблении мыслительных операций: *Здесь все так же глухо заколочено, как и в земном мире... Нет милых частных, запаха цветов, плеска воды... Все обнажено и подчинено всеобщему. Я еще могу продолжать мой рассказ, но скоро наступит и мой черед... Так же как на земле,*

постепенно распадается на части и растворяется в окружающем наш труп, так же и здесь распадается душа. Разваливается, как гниющий череп... [Мамлеев].

В «Многоженце» эта фрагментарность мышления выражается в описании жены рассказчика, образ которой расщепляется на четыре ипостаси: горячая, холодная, сонная и полоумная. Персонаж уверен, что взаимодействует с разными женщинами. Общение с каждой по отдельности соответствует определенным моментам его жизни.

В «Дневнике молодого человека» также представлен диегитический нарратор. Название произведения отсылает к классике: «Дневнику лишнего человека» И.С. Тургенева. Форма дневниковых записей позволяет максимально точно продемонстрировать психологическое, эмоциональное состояние персонажа, так как эти записи обращены к себе, не предполагают нарочитого шутовства или благообразия. Чистый лист – единственный собеседник героя. Основной мировоззренческий тезис персонажа: «...если человек не может быть сам счастливым <...>, то единственное, чем можно себя компенсировать, – сделать несчастливыми других. В этом я и вижу свою специальность и смысл жизни» [Мамлеев]. Текст завершается комичным перечнем зол, с помощью которых герой намеревается сделать несчастными других: «1) удавить котенка Лебедевых, 2) плюнуть в чужую кастрюлю, 3) испугать старушку, 4) подглядеть в щелку, 5) пустить по квартире две сплетни, 6) написать анонимку Брюхову...» [Мамлеев]. Несмотря на анекдотичность записей, образ рассказчика сохраняет враждебность, неприглядность. Персонаж с наслаждением наблюдает за людскими страданиями, не упускает возможности сделать подлости, мерзости разных масштабов (от толкания прохожих до подбрасывания анонимной записки женщине, в которой сообщается, что она больна раком). Однако стоит отметить, что герой не способен на убийство человека: «...убийство не подходит для моего характера» [Мамлеев]. В этом тексте можно наблюдать приверженность Ю. Мамлеева тому направлению русской литературы, которое занимается художественным осмыслением зла как активного и нередко доминирующего начала в душе человека. Стремление героя служить самодовлеющему злу мешает исследовать метафизическое бытие.

Фабульной основой для «Тетради индивидуалиста» является «гаденькое покаяньице», интерес к смерти, которые и приводят героя на кладбище на краю Москвы.

Мировоззрение повествователя базируется на идее смерти как избавления от земного бренного бытия: *Жизнь была настолько мрачна своей безысходностью и материализмом, своей животной тупостью и ясностью, что Смерть – единственная, видимая и ощущаемая всеми, Великая Тайна, причем тайна, бьющая по зубам, – являлась настоящим оазисом среди этого потока декретов, овсяной крупы, телевизоров и непробиваемой “логики”* [Мамлеев]. Гипертрофия противоестественных желаний и чувств обусловлена не только особым вниманием автора к описанию пограничных состояний и ситуаций, но и постмодернистским приемом – игрой, в частности с помощью пародии. В тексте можно найти множество интертекстуальных отсылок к повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья». *Поганенький я все-таки человечико* – это парафраз предложения «Записок из подполья»: *Я человек больной... Я злой человек.*

Непривлекательный я человек. Пародийность прослеживается и на уровне стилистики. С помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов образуется интонация сентиментально-трогательного умиления собой, собственными мыслями и чувствами: *гробики, пивнушечка, каждый кустик становился чертиком, покойнички*. С ними контрастируют лексемы с похожими суффиксами, но негативно-отрицательным значением: *душонка, человеченка*, которые передают презрительное, уничижительное отношение нарратора к людям. В тексте обыгрывается интонация самоумиления, демонстрируя метание героя между самобичиванием и крайней степенью индивидуализма [Романовская, 2013, с. 63].

Активно используются эпитеты. Ф.М. Достоевский обращается к определениям, передающим чувства героя, дающим оценку: *гадчайшая петербургская ночь, подленькое наслажденьице, унижительная бесцельность*. В тексте Ю. Мамлеева эпитеты демонстрируют патологичность персонажа: *неврастенично-гнойные раны, одинокие шизофренические комнаты, идиотически радостные голоса, изломанно-шизофренические сцены*. В каждом случае эпитеты обладают выразительной функцией, повествованию придают эмоциональности, приближают читателя к восприятию картины мира персонажа. Но в рассказе «Тетрадь индивидуалиста» они глубже раскрывают патологичность повествователя.

Таким образом, основными чертами мамлеевского антигероя становятся отрешенность от собственного тела, от людей и от «живой жизни». Решительное разделение антигероем материальной и духовной составляющих жизни приводит к явлениям психопатологического характера. Распад человека на «я» и «мое тело» является сюжетным фундаментом для многих текстов автора. Такое расщепление «раскалывает собственное бытие индивидуума на две части таким образом, что ощущение Я развоплощается и тело становится центром в системе ложного Я... утратив мир и себя как целое, человек Мамлеева сосредоточивается на физическом образе...» [Заманская, 2002, с. 286–287]. Тело Вани Кирпичникова, по его ощущениям, живет своей, отдельной от героя жизнью: *За мной собственное тело, голое, с топором по улице гналось... бежим – я с криком, а тело молча, за мной...* [Мамлеев]. Текст Ю. Мамлеева вписывается в парадигму литературы о «голом человеке», пародирует идею *homo sacer* – человека без свойств, в его биологическом состоянии.

Выводы. Подводя итог, можно заключить, что Ю. Мамлеев в поисках культурного героя создает, по сути, образ антигероя, обладающего способностью к движению – персонажа, который хочет познать истинную природу бытия, но в своих поисках зачастую переступает черту. В фиктивном мире автора только такие маргинальные, девиантные герои способны на трансгрессию, которая помогает осознать свою «экзистенцию» в выходе за пределы законопослушного поведения [Зенкин, 2019, с. 74] и, по мысли автора, двигает культуру вперед.

Библиографический список

1. Васильев Д.В. Роль архетипа трикстера в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» // Вестник Таджикского педагогического университета. 2019. № 4 (81). С. 136–144. URL: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=31830

2. Воглер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
3. Горелова Т.А., Хлопонина О.О., Безрукова О.В. Динамика системы «Герой – Антигерой» в истории культуры // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 2. С. 179–197.
4. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта: Наука, 2002. 304 с.
5. Зенкин С.Н. Законы трансгрессии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 4. С. 59–74.
6. Ковтун Н.В. Герои-мужчины в поисках мудрости (на материале прозы В.Г. Распутина) // Сибирский филологический форум. 2022. № 3 (20). С. 4–19.
7. Ковтун Н.В., Степанова В.А. Проблема гендерной идентификации мужских образов в творчестве В. Распутина: дуализм психически-интеллектуальных доминант // Филологический класс. 2014. № 2 (36). С. 7–14.
8. Ковтун Н.В. Трикстер как герой нашего времени (на материале русской прозы второй половины XX–XXI века): монография. М.: ФЛИНТА, 2022. 408 с.
9. Корневский А.В. «Герой нашего времени» в саду расходящихся тропок // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 8–30.
10. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
11. Мамлеев Ю.В. Собрание сочинений. Русская электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/20vek/mamleev/contents.htm> (дата обращения: 08.11.2023).
12. Мамлеев Ю.В. Статьи и интервью: сб. М.: Традиция, 2019.
13. Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи: русская проза 80–90-х годов XX века. Киев: Киевский университет, 2001. 433 с.
14. Нагорная Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм. М.: МАКСПРЕСС, 2006. 260 с.
15. Романовская О.Е. Постмодернистская версия антигероя в рассказах Юрия Мамлеева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 23. С. 59–64.
16. Cybulska E. Nietzsche's Übermensch: A Hero of Our Time? // Philosophy Now. 2012. № 93 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/337155113_Nietzsche's_Ubermensch_A_Hero_of_Our_Time (дата обращения: 10.10.2023).

Сведения об авторе

Ларина Мария Валерьевна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург); e-mail: m_larina@yahoo.com

Орешина Любовь Евгеньевна – магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: orëshina_1999@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-45-53

THE ANTIHERO IMAGE: FROM TRADITIONALISM TO METAPHYSICAL REALISM

M.V. Larina (Krasnoyarsk, Saint Petersburg, Russia)

L.E. Oreshina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The image of the antihero in Russian literature of the second half of the 20th century has changed significantly. In the prose of traditionalism, existential problems come to the fore, while the antihero is revived as a representative of humanity lost in the abyss of history. In many ways overlapping with the existential quest of traditionalism, metaphysical realism explores the genesis and forms of knowledge available to humanity about the whole that lies beyond the empirical but conceivable. Researchers of metaphysical realism pay attention to the authors' desire to rethink the legacy of the Russian classics, with its predilection for *superfluous people*, *paradoxalists*, and *little people*. This does not take into account the parodic nature of the anti-heroes of metaphysical realism. We consider it expedient to trace this peculiarity in the work of Y. Mamleyev.

The purpose of the article is to identify the origins and trace the development of the image of the anti-hero of metaphysical realism, to consider the peculiarities of the poetics of the method on the example of Y. Mamleyev's prose.

Methodology. Historical-cultural and structural-semiotic methods are applied.

Research results. At the end of the 20th century, the philosophical searches of literary artists are actualized in the attempt to realize and correct the crisis state of reality and human worldview. As a result, individual creative methods appear at the intersection of philosophy and art. One of such methods is the metaphysical realism of Yuri Mamleyev, which describes both the features of visible, tangible life, and the transcendent reality invisible to a man. The hero of metaphysical realism has all the characteristics of an anti-hero: isolation from the world, proximity to death – “a precipice into nothingness”, painful passivity. The need to express oneself, to describe one's inner life, determines the form of most of the works – the first-person “anti-confession”. The pathological states of the narrators are the basis for creating the plot of alienation. The idea that consciousness is alien to the material-empirical world explains the choice of a specific position: in the story “The Pit”, the hero's transition into the void is followed by his reasoning from beyond. The tragic substratum of the narrative is combined with the comic, parodic, which makes it possible to create an image of a hero who is morally terrible but capable of transgression.

Conclusions. Yu. Mamleev, in search of a cultural hero, creates, in essence, an antihero with the ability to move – a character who wants to know the true nature of being, but often crosses the line in his search. In the fictitious world of the author, such marginal, deviant heroes are only capable of transgression, which in turn helps to realize their “existence” in going beyond law-abiding behavior [Zenkin, 2019, p. 74] and moves the culture forward, according to the author.

Keywords: *antihero, traditionalism, metaphysical realism, Yuri Mamleyev.*

References

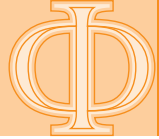
1. Vasiliev D.V. The role of the trickster archetype in the story “Notes from the Underground” by F.M. Dostoevsky // Vestnik Tajik Pedagogicheskogo Universitet. 2019. No. 4 (81). P. 136–144. URL: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=31830
2. Vogler K. The writer's journey. Mythological structures in literature and cinema. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2015.

3. Gorelova T.A., Khloponina O.O., Bezrukova O.V. Dynamics of the system “hero – antihero” in the history of culture // Knowledge. Understanding. Awareness. 2022. No. 2. P. 179–197.
4. Zamanskaya V.V. Existential tradition in Russian literature of the twentieth century. Dialogues on the borders of centuries. Moscow: Flinta: Nauka, 2002. 304 p.
5. Zenkin S.N. Laws of transgression // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2019. Vol. III, No. 4. P. 59–74.
6. Kovtun N. Male heroes in search of wisdom (on the material of V.G. Rasputin's prose) // Siberian Philological Forum. 2022. No. 3 (20). P. 4–19.
7. Kovtun N.V., Stepanova V.A. The problem of gender identification of male images in the work of V. Rasputin: the dualism of mental-intellectual dominants // Philological class. 2014. No. 2 (36). P. 7–14.
8. Kovtun N.V. Trickster as a hero of our time (based on the material of Russian prose of the second half of the XX–XXI centuries): monograph. Moscow: FLINTA, 2022. 408 p.
9. Korenevsky A.V. “The hero of our time” in the garden of diverging paths // New Past. 2019. No. 1. P. 8–30.
10. Lotman Y.M. Semiosphere. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2000.
11. Mamleyev Y.V. Collected works. Russian electronic library [Electronic resource]. URL: <https://rvb.ru/20vek/mamleev/contents.htm> (access date: 08.11.2023).
12. Mamleyev Yu.V. Articles and interviews. Collection. Moscow: Tradition Publishing Group, 2019.
13. Merezhinskaya A.Y. Artistic paradigm of the transitional cultural epoch: Russian prose of the 80–90s of the XX century. Kiev: Kiev University, 2001. 433 p.
14. Nagornaya N.A. Oneirotransfera in Russian prose of the XX century: modernism, postmodernism. Moscow: MAXPRESS, 2006. 260 c.
15. Romanovskaya O.E. Postmodern version of the antihero in the stories of Yuri Mamleyev // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2013. No. 23. P. 59–64.
16. Cybulska E. Nietzsche’s Ubermensch: A Hero of Our Time? // Philosophy Now. 2012. No. 93 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/337155113_Nietzsche's_Ubermensch_A_Hero_of_Our_Time (access date: 10.10.2023).

About the author

Larina, Maria Valeryevna – PhD Candidate, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after S.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky (Saint Petersburg, Russia); e-mail: m_larina@yahoo.com

Oreshina, Lyubov Evgenievna – MA Candidate, Krasnoyarsk State Peadogical University named after S.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: oreshina_1999@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-54-62

УДК 82

«ЭХО ЖАНРА АВТОБИОГРАФИИ» В ПРОЗЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ

А.И. Гонtareва (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Обращение современных писателей к отдельным приемам автобиографизма вне документально-художественной литературы на сегодняшний день стало обыденностью. Так, художники слова делают акцент на фактуальности сюжета произведений, предлагают читателю наблюдать за историческим контекстом, в котором разворачиваются судьбы литературных героев. Одним из таких авторов является Людмила Улицкая, которая использует маркеры реального времени и пространства в построении художественных текстов.

Цель исследования – проанализировать приемы автобиографизма, которые применяет Л. Улицкая для создания художественной картины действительности. Выяснить, какую роль они играют в понимании идейной основы произведений писательницы.

Методы исследования: культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный и структурно-типологический анализ текстов.

Результаты. Опираясь на выявленный комплекс приемов структурирования литературного текста, автор статьи показывает, что в творчестве писательницы активно проявляются принципы автобиографизма. За счет сокращения дистанции между биографическим автором и художественными образами повести изменяется восприятие личности и истории. На первый план выдвигаются бытие человека, его внутренний мир, чувства, связанные с окружающей действительностью, которая предстает как достоверно изображенная. В прозе писательницы автобиографические мотивы служат для фиксирования и анализа не столько страниц собственной жизни, сколько переломных моментов в судьбах целых поколений русского общества, отразившихся в зеркале частной судьбы.

Ключевые слова: автобиографизм, неосентиментализм, творчество, проза, образ художника, Людмила Улицкая, современная русская литература.

Постановка проблемы. Современная русская словесность стоит перед необходимостью осмысления изменившейся картины бытия и образа человека. Это связано прежде всего с попыткой преодоления кризиса постмодернизма, когда читателя уже не занимают игры с симулякрами, ему хочется наконец поверить в изображаемый писателем мир. По мнению исследователей, особой популярностью на сегодняшний день пользуются произведения, указывающие на достоверность описываемых событий: мемуарная литература, non fiction, дневники, что обусловлено читательским ожиданием правды. Обращение к приему автобиографизма вне жанра документально-художественной автобиографии становится возможностью для писателя не только показать истоки кризисного, разорванного сознания человека рубежа XX–XXI вв., стоящего перед проблемой выбора, но и ответить на запрос читательской публики.

Поиск ответов на жизненные вопросы, поставленные перед человеком «слома эпох» (Н. Лейдерман), заставляет авторов взглянуть на окружающую реальность через призму собственного опыта, чтобы в противоречиях современной действительности находить основополагающие начала жизни: добро, красоту, веру и т.д. В результате читатель вместе с автором наблюдает за историческими событиями, в контексте которых разворачиваются судьбы главных героев произведения, что подталкивает реципиента к живому отклику, диалогу.

Обзор литературы. Вопрос автобиографичности в художественной прозе достаточно хорошо разработан в литературоведении. Еще М.М. Бахтин в «Эстетике словесного творчества» (1979) пишет о том, что «предметно-изобразительный аспект образует только внешний уровень текста и что куда важнее проникнуть в характер самой организации и развертывания словесного целого» [Бахтин, 1979, с. 25]. Этой задаче, на наш взгляд, отвечают приемы автобиографии, выявленные в текстах современных авторов. Исследователь Л. Янковская отмечает, что природа литературного текста «невозможна без субъективного (авторского) начала, и в каждом романном герое есть частица автора» [Янковская, 2018, с. 87]. Здесь автобиографические элементы, однако, не транслируются в оригинальном виде, претерпевают трансформацию и становятся событием уже художественного мира.

М. Медарич в статье «Автобиография/автобиографизм/автоинтерпретация» (1998) дает автобиографизму общее определение: это «стилистически маркированный литературный прием, представляющий собой *эхо жанра автобиографии*» [Медарич, 1998, с. 5]. И. Карпов уточняет: «Автобиографизм – трансформация автором “жизненного материала” в направлении своей экзистенциальной сферы, своего эмоционального комплекса и видения человека». По мнению исследователя, такое понимание автобиографизма реализуется с помощью указания субъекта речи на достоверную основу повествования либо в одной из форм «авторской словесно-образной игры» [Карпов]. А. Малышева утверждает, что автобиографизм может быть «точечным, не предполагающим исповедальности и буквального совпадения между жизненной реальностью и сюжетом литературного произведения, но достигающим создания эффекта подлинности». Таким образом, принцип автобиографизма проявляется в особом построении и организации художественного текста, где «реальные факты вталкиваются в художественную реальность... для воплощения идеи истины субъективного...» [Малышева, 2016, с. 15].

Исследовательница О. Баса выделяет такие признаки автобиографизма, как «открытая и закулисная игра» писателей – эксплицитное и имплицитное указание на собственное “Я”». Кроме сведений биографического характера, применяются следующие возможные отсылки к авторскому я: 1) внешность героя; 2) увлечения героя (литературные, философские, музыкальные (*идиосинкразии* – по Медарич); 3) форма повествования от 1 лица; 4) названия произведений (например, «Мои лилеи» О. Кобилянской) [Баса, 1997, с. 38]. Е. Ковалева

приходит к выводу, что «автобиографизм» – маркированный литературный прием, указывающий на самопрезентацию автора, может выступать компонентом как автобиографических (в том числе autofiction), так и неавтобиографических произведений. В текстах, носящих вымышленный характер (fiction), автобиографизм выражается через введение психологических мотивов, ситуаций или фактов жизни автора [Ковалева, 2013, с. 230].

Автобиографизм является важной составляющей и произведений Л. Улицкой, проявляется во многих аспектах: в описании топосов, своеобразии сюжетной линии, интересах/увлечениях главных героев, указании на реальные исторические лица и т.п. Повествователь как субъект у Улицкой находится вне/над изображаемым временем и пространством, он знает все стороны жизни героев от начала до конца. Наряду с передачей мыслей, чувств и впечатлений героя, автор конструирует в тексте собственную реальность. Данное исследование проведено с целью выявления принципов автобиографизма, которые наиболее часто встречаются в романах и повестях автора.

Методы исследования: культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный и структурно-типологический анализ текстов.

Результаты исследования. Творчество Л. Улицкой принято относить к направлению «неосентиментализм», которое ставит задачей отображение судьбы «маленького человека» на фоне масштабных исторических событий. Автор часто дает интервью, где указывает на автобиографический характер своих произведений, что позволяет нам рассмотреть ее творчество в указанном дискурсе. В текстах писательницы автобиографические мотивы служат не столько для фиксирования страниц собственной жизни (детали биографии в ее прозе единичны), сколько для отображения поворотных моментов в истории всего общества, анализ расширяется до границ целых поколений. Автобиографизм, таким образом, сигнализирует об опоре Улицкой на «фактуальность» собственного опыта, о *достоверности* вымышленного сюжета/персонажей. Это также указывает на субъективность повествования, что характерно для современной русской литературы в целом, о чем писала еще Л. Гинзбург: «...именно для современной литературы очень характерно изменение позиции автора. В очень многих романах автор поставлен в особое положение. Он обнаруживает свое присутствие <...> Такое личное, автобиографическое присутствие автора <...> есть характерные для современной прозы размытые границы между вымыслом и реальностью» [Гинзбург, 1977, с. 6].

Нарратор в текстах Улицкой всегда выступает в художественном пространстве в роли биографа, рассказывая о жизни каждого из своих персонажей, о хитросплетении их судеб, при этом вкладывая во многие образы черты собственного мировосприятия, например, избранные герои говорят на иностранных языках, читают зарубежную литературу в оригинале, из русской словесности обычно читают В. Набокова и Б. Пастернака, бережно относятся к родовой памяти, семейным праздникам [Ковтун, Бурылова, 2023, с. 25–37]. Хронотоп ее произведений

обязательно связан с конкретно-историческим периодом развития русского общества, что отмечается историческими маркерами (смерть Сталина, диссидентство, миграция Бродского, Московский путч и т.д.).

Наиболее частыми объектами изображения в ее произведениях становятся представители интеллигенции. Интерес писательницы направлен к теме искусства и образу творческой личности (в широком смысле слова) на протяжении всей литературной деятельности. Это обусловлено увлеченностью автора искусством, дружбой с современными художниками, писателями, критиками. В интервью 2016 г. Улицкая открыто говорит о прототипах, чьи черты были взяты за основу в создании героев-художников в ранних повестях «Сонечка» (1992) и «Веселые похороны» (1997): *За спиной Алика стоят и мой друг Юлий Даниэль, и нью-йоркский художник Виталий Длуги. Их портреты у меня на стене, в галерее прототипов моих героев* [Улицкая, 2016]. Н. Бочкарева отмечает, что названные тексты писательницы можно рассматривать как «дилогию о художниках» [Бочкарева, 2014, с. 144]. Это справедливо, так как произведения характеризуются близостью времени их создания и аналогичными структурными составляющими: образом героя-художника (Роберт Викторович и Алик), периодом эмиграции персонажей, связью женских образов с новым творческим и жизненным этапом мастера.

Повесть «Веселые похороны» опубликована в 1997 г. По словам самой писательницы, замысел ее появился еще в 1992 г. (в момент триумфа повести «Сонечка»), но первоначальные наброски она «забросила в долгий ящик на 5 лет»: *Эта история в моей жизни повторялась много раз. Мой первый муж Юрий Тайц умер от той болезни, что описана в повести, – рассеянного склероза. Это был очень яркий человек, центрообразующий. После этого не раз уходили люди, которые оставили после себя не пустоту, а пространство любви, мирили тех, кто был в ссоре и все такое... История повторялась с вариациями, и я поняла, что надо принять этот вызов* [Улицкая, 2016]. Сюжет произведения выглядит как попытка автора «дописать биографию Роберта Викторовича, оставшегося за границей» [Ковтун, 2012]. Помимо центральной проблемы текста – преодоления смерти, на автобиографичность указывает место, где разворачиваются описываемые события – Америка, Лос-Анжелес, историческое время – Московский путч в России 90-х гг., исторические персоналии – И. Бродский. В результате создается эффект правдивости фикционального повествования, возникает ощущение тесной взаимосвязи авторского начала с образами героев, сопричастности к изображаемым событиям.

Более поздние тексты имеют отчетливые переклички с ранними произведениями Улицкой. Однако образ творца здесь принимает более универсальные черты, интерес писательницы занимают все те же творческие люди, но уже в широком контексте: не только непосредственно художники, но и музыканты, поэты, театральные деятели, ученые, врачи и т.д.

Роман «Казус Кукоцкого» (2000) исследователи характеризуют как художественный текст «с фоновым публицистическим началом» [Короткова, 2018, с. 129]. Приемом автобиографизма в тексте становится изображение жизни героев в контексте реальной истории России второй половины XX в. («толстовские коммуны», сталинские репрессии, Великая Отечественная война, диссидентство и т.д.). Главный герой романа Павел Кукоцкий, по словам писательницы, имеет прообраз в реальной жизни: *Его прототип – пермский доктор Павел Алексеевич Гузиков, <...> на меня огромное впечатление произвели истории из жизни этого потрясающего доктора. У меня на стене висит его портрет в белом халате* [Улицкая, 2016]. Писательница вводит в сюжет настоящих исторических деятелей, что создает эффект причастности читателя к изображаемым событиям. Проблематика романа затрагивает важные социальные вопросы означенного периода. Появляется персонаж, который транслирует мысли, противоречащие официозу советской власти, за что платит собственной свободой (в данном тексте им становится Илья Гольдберг). Главный герой занят решением важной медицинской проблемы общества описываемого периода. Повествование в романе насыщено вставными конструкциями, характерными для биографической литературы (дневниковые записи Елены с прямым обращением к адресату).

«Лестница Якова» (2015) – один из самых поздних романов писательницы, для которого характерно яркое автобиографическое начало, где факты тесно переплетаются с художественным вымыслом. В основу литературного текста легла история семьи Осецких, которая ретранслирует действительную хронологию жизни семьи Улицких. Творческое совмещение фактов реальной биографии людей и вымышленной истории героев романа отмечено самим автором в презентации книги. Традиционно писательница изображает ключевые вехи истории России и мира: Первая мировая война, революция, сталинские репрессии, Вторая мировая война, война в Афганистане, перестройка и пр. Все названные события связаны с персонажами романа, оставляют неизгладимый отпечаток на их судьбах, что позволяет Л. Улицкой многопланово отобразить глобальное противостояние личности и государства, «маленького человека» и большой политической машины. Особенностью повествования становится не просто упоминание о реальных исторических лицах (В.Г. Короленко, А.П. Карсавин и др.), но даже введение таковых как действующих героев в отдельных эпизодах романа (С. Михоэлс, Н.К. Крупская, Лесь Курбас, М.А. Волошин и др.).

Средствами создания автобиографического плана являются здесь и рассуждения о таких проблемах времени, как эмиграция, коллективизация, «еврейский вопрос», наркомания. Сюжет имеет фрагментарную структуру, отмеченную признаками кинематографичности, что достигается за счет введения огромного количества разножанровых вставных конструкций: писем, дневников, записных книжек. Писательница исследует историю своей семьи, творчески ее преобразуя, вводит читателя то в исторический, то в художественный пласты повествования. Так, приемы автобиографизма служат повышению *реалистичности* романов Улицкой, усилению эстетического воздействия на читателя.

Заключение. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что Л. Улицкая в изображении действительности вновь отдает предпочтение человеку творящему/познающему, художнику. Именно искусство, способность по-настоящему видеть, живописно воспринимать мир становится знаком избранности в прозе автора. С учетом выявленного комплекса приемов структурирования художественного текста показано, что в творчестве писательницы активно проявляются *принципы автобиографизма*. За счет сокращения дистанции между биографическим автором и образами повести изменяется восприятие личности и истории. На первый план выдвигаются бытие человека, его внутренний мир, чувства, связанные с окружающей действительностью, которая предстает как достоверно изображенная. В прозе художника автобиографические мотивы служат для фиксации, анализа не столько страниц собственной жизни, сколько переломных моментов в судьбах целых поколений. Детали биографии позволяют увидеть историю в зеркале живого человеческого переживания, анализ выходит за пределы интенции одной личности, расширяется до проблем всего населения страны определенного периода.

Библиографический список

1. Баса О. Її лілеї (твори О. Кобилянської про неї саму) // Молода нація: Альманах. Киев; Смолоскип, 1997. № 5. С. 35–40.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Бочкарева Н.С. Художник и его модель в повести Л. Улицкой «Сонечка» и в рассказе А.С. Байетт «Ламия в Севеннах» // Мировая литература в контексте культуры. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2014. С. 142–148.
4. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. 441 с.
5. Карпов И.П. Авторология (рабочий словарь): литературоведение, лингвистика, философия, логика, психология. URL: <http://slovar.lib.ru/dictionary/avtobiografizm.html> (дата обращения: 05.10.23).
6. Ковалева Е.К. Термин *автобиографизм* в современном литературоведении // Вопросы русской литературы. 2013. № 26 (83). С. 224–231.
7. Ковтун Н.В. Судьба отечественной классики в интертекстуальном поле ранних текстов Л. Улицкой // Вестник НГУ. 2012. Т. 11, вып. 2.
8. Ковтун Н.В., Бурылова А.В. Трансформация женских образов в жанре рождественского рассказа: от традиционалистской прозы к текстам XXI в. // Сибирский филологический форум. 2023. № 3. С. 25–37.
9. Короткова Н.С. Модификация жанра романа в творчестве Л.Е. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2018. 193 с.
10. Малышева А.И. «Клинический реализм» Захара Прилепина: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.01. Воронеж, 2016. 158 с.
11. Медарич М. Автобиография/автобиографизм // Автоинтерпретация / под ред. А.Б. Муратова и Л.А. Иезуитовой. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998. С. 5–32.

12. Улицкая Л. Веселые похороны. М.: АСТ, 2012. 457 с.
13. Улицкая Л. Казус Кукоцкого: роман. М.: АСТ, редакция Елены Шубиной. М., 2018. 509 с.
14. Улицкая Л. Лестница Якова. М.: АСТ, 2015. 769 с.
15. Улицкая Л. Сонечка. М.: Эксмо, 2007. 145 с.
16. Улицкая Л. «Я – Люся Улицкая» // Ю. Баталина ИД «Компаньон», 2016. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-3413928.html?ysclid=lomhig80qt659373536> (дата обращения: 06.11.23).
17. Янковская Л.С. Автобиографизм или автопсихологизм? К вопросу авторского присутствия в художественном повествовании // Известия Саратовского университета. Нов. сер.: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 87–91. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-87-91

Сведения об авторе

Гонтарева Альбина Игоревна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: albka_kaza@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-54-62

“ECHOES OF THE GENRE OF AUTOBIOGRAPHY” IN THE PROSE OF LYUDMILA ULITSKAYA

A.I. Gontareva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The appeal of modern writers to certain techniques of autobiography outside of documentary fiction has become commonplace today. Thus, artists of words emphasize the factuality of the plot of works, offer the reader to observe the historical context in which the fates of literary heroes unfold. One such author is Ludmila Ulitskaya, who uses markers of real time and space in the construction of fiction texts.

The aim of the study is to analyze the techniques of autobiography, which are found in the fiction of Ludmila Ulitskaya, and to find out what role they play in understanding the ideological basis of the writer's works.

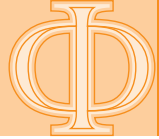
The research methods include cultural-historical, comparative and structural-typological analysis of texts.

Research result. Based on the revealed complex of techniques for structuring the fiction text, the author of the article shows that the principles of autobiography are vividly manifested in the writer's work. By reducing the distance between the biographical author and the images of the story, the perception of personality and history changes. The human being, his inner world, his feelings connected with the surrounding reality, which appears as authentically depicted, are put in the foreground. In the prose of the writer, autobiographical motifs serve for fixing and analyzing not so much the pages of own life, but the turning points in destinies of whole generations of Russian society.

Keywords: *autobiography, neo-sentimentalism, creativity, prose, image of an artist, Lyudmila Ulitskaya, modern Russian literature.*

References

1. Basa O. Īi lilei (O. Kobilyanskaya's works about herself) // New Nation: Anthology. Kiev: Smoloskip, 1997. No. 5. P. 35–40.
2. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creation. Moscow, 1979.
3. Bochkareva N.S. The artist and his model in L. Ulitskaya's story "Sonechka" and in A.S. Bayette's story "Lamia in Sonechka". S. Byatt "Lamia in Sevenses" // World Literature in the Context of Culture. Perm: Perm State National Research University, 2014. P. 142–148.
4. Ginzburg L. About psychological prose. Leningrad: Literary fiction, 1977. 441 p.
5. Karpov I.P. Autorology (working dictionary): literary studies, linguistics, philosophy, logic, psychology. URL: http://slovar.lib.ru/dictionary_avtobiografizm.html (access date: 05.10.23).
6. Kovaleva E.K. The term autobiography in modern literary criticism // Questions of Russian literature. 2013. No. 26 (83). P. 224–231.
7. Kovtun N.V. The Fate of Russian classics in the intertextual field of L. Ulitskaya's early texts // Vestnik NSU. 2012. Vol. 11, is. 2.

8. Kovtun N.V., Burylova A.V. Transformation of female images in the genre in the genre of the Christmas story: from traditionalist prose to texts of the XXI century // Siberian Philological Forum. 2023. Vol. 3. P. 25–37.
9. Korotkova N.S. Modification of the novel genre in the works of L.E. Ulitskaya. Voronezh, 2018. 193 p.
10. Malysheva A. “Clinical realism” Of by Zakhar Prilepin. Voronezh, 2016. 158 p.
11. Medarich M. Autobiography/ autobiography // Autointerpretation / ed. by A.B. Muratov and L.A. Jesuitova. SPb.: Edition St Petersburg University, 1998. P. 5–32.
12. Ulitskaya L. The funeral party. Moscow: AST, 2012. 457 p.
13. Ulitskaya L. The Kukotsky’s case: a novel. Moscow: AST, edited by Elena Shubina, 2018. 509 p.
14. Ulitskaya L. Yakov’s Ladder. Moscow: AST, 2015. 769 p.
15. Ulitskaya L. Sonechka. Moscow: Eksmo, 2007. 145 p.
16. Ulitskaya L. “I am Lyusya Ulitskaya” // Y. Batalina ID “Kompanion”, 2016. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-3413928.html?ysclid=lomhig80qt659373536> (access date: 06.11.23).
17. Yankovskaya L.S. Autobiography or autopsychologism? To the question of authorial presence in the artistic narrative // Edition Saratov University. New series. Philology. Journalism. 2018. Vol. 18, is. 1. P. 87–91.

About the author

Gontareva, Albina Igorevna – PhD Candidate, Department of World Literature and Methods of Its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: albka_kaza@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-63-73

УДК 82-31

МОТИВ ПУТИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»¹

Н.А. Вальянов (Красноярск, Санкт-Петербург, Россия)

П.И. Зубкова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена изучению категории мотива в современном литературоведении. На материале романа «Лавр» – одного из ведущих произведений зрелой прозы Е. Водолазкина – исследуется мотив пути как сквозной в русской литературе и творчестве писателя в частности. Определяется его художественно-эстетическое и лексико-семантическое значение в границах авторского повествования.

Цель исследования – определить функциональное значение мотива пути в пространстве романа-жития Е. Водолазкина «Лавр», наследующего жанровые традиции древнерусской словесности.

Методы исследования: культурно-исторический, структурно-семиотический.

Результаты исследования. Мотив пути представляется структурообразующим в произведении Е. Водолазкина «Лавр». «Путевая» тема, маркируемая в авторском определении жанра произведения – «роман-житие», отсылает к русской средневековой традиции; особое внимание акцентируется на специфике агиографического стиля повествования. Прохождение пути главным героем в вертикальной (а не горизонтальной) проекции подтверждается изучением лексико-семантических особенностей нескольких его имен. Эти имена преемственно сменяют друг друга, и в представленной последовательности явлена закономерность: каждое последующее имя «возвышает» главного героя, приближая его к сакральному статусу, маркирует его особый – богоизбранный – путь.

Выводы. Художественное, лексико-семантическое, ассоциативное значение мотива пути становится определяющим на всех уровнях авторского повествования – формирующим идеологию и эстетику произведения, его структурно-типологическую конъюнктуру, убедительно отражающим литературную преемственность и культурную традицию.

Ключевые слова: Е.Г. Водолазкин, Лавр, роман-житие, мотив, путь, жанр, древнерусская литература.

Постановка проблемы. Мотив пути – один из архетипических мотивов в отечественной словесности. Апеллируя к библейской и устно-поэтической традиции, текстам древнерусской книжности, ведущим произведениям русской классической литературы, отметим, что художественный интерес к сюжетам *странничества, паломничества, путешествия* не исчерпан и в актуальной

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

русской литературе. В словесности Древней Руси мотив *пути* появляется в произведениях различных жанров – *слово* («Слово о полку Игореве»), *житие* («Житие Евстафия Плакиды», «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»), *хождение* («Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Хождение Богородицы по мукам»), *повесть* («Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим») и др. [Вальянов, 2023, с. 37–50]. В литературе XVIII столетия появляются *путевые заметки* и *дневники*, где мотив *пути/дороги* и соотносимый с ним мотив *встречи* организуют хронотоп «чужого мира» («Описание Сибирского царства» Г. Миллера, «Оренбургская топография» П. Рыжкова»), отражающий мировосприятие авторов эпохи, когда идеальная/утопическая Россия мыслилась не соотнесенной с предшествующей.

Произведение современного русского писателя Е. Водолазкина «Лавр», посвященное жизнеописанию и мировоззрению человека эпохи Древней Руси, непосредственно берет начало в культуре русского средневековья и на идейно-тематическом, мотивном уровнях повествования отражает структурно-типологические особенности упомянутых нами текстов. Авторское определение жанровой специфики произведения как *роман-житие* также свидетельствует о неразрывной связи с ведущими жанрами древнерусской литературы.

Вслед за И. Силантьевым, мы рассматриваем категорию *мотива* следующим образом: «...это эстетически значимая повествовательная единица, интертекстуальная в своем функционировании, инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, а также соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» [Силантьев, 2004, с. 96].

Путь является центральным элементом категории художественного пространства – одной из важнейших в современном литературоведении, отражающей как национальную картину мира, так и способы самоопределения личности в бытии, что отмечалось еще Ю. Лотманом [Лотман, 1996, с. 205]. В контексте пространственной категории «путь» является фундаментальной семантической составляющей. Одной из главных пар, составляющих бинарную оппозицию, является антиномия «жизнь/смерть», где *жизнь* маркируется как путь/судьба человека, а *смерть* является завершением этого пути [Дрыга, 2010, с. 16].

Цель статьи – определить функциональное значение мотива пути в пространстве романа-жития Е. Водолазкина «Лавр», наследующего жанровые традиции древнерусской словесности.

В работе используются историко-культурный, структурно-семиотический методы.

Результаты исследования. Мотив *пути* – один из структурообразующих в романе «Лавр» и в прозе Е. Водолазкина в целом [Ковтун, 2023, с. 115–135]. Главный герой Арсений как в буквальном, так и в метафорическом смысле является

путником, совершающим путешествие в разные места и государства. В пределах литературного сюжета, как видится, происходит своеобразная трансформация героя. Представленный в начале художественного повествования еще совсем юным – мальчиком, Арсений проходит тернистый путь и становится мудрецом, чей образ атрибутивно отсылает к образу юрода. «Путевая» тема, маркируемая уже в авторском определении жанра произведения – «роман-житие», развернута к агиографическому стилю древнерусской литературы, о чем рассуждает сам писатель:

*Проблема описания «положительно прекрасного человека» чрезвычайно сложна. На современном материале решать ее почти невозможно, а если и возможно, то для этого нужно быть автором князя Мышкина. Я понимал, что, взятый с нынешней улицы, такой герой будет попросту фальшив. И я обратился к древней форме – к **житию**, только написал это житие современными литературными средствами [Лавр..., 2013].*

Говоря о художественно-эстетическом единстве романа-жития Е. Водолазкина с произведениями русской средневековой литературы, необходимо отметить, что в повествовании принципиально значимую роль играет историко-культурный контекст выбранной литературной эпохи: в «Лавре» регулярно появляются аллюзии на древнерусские тексты, что засвидетельствовано некоторыми авторитетными исследователями, в частности О. Неклюдовой [Неклюдова, 2015, с. 119]. «Александрия» и «Сказание о Соломоне и Китоврасе» и вовсе цитируются по ходу сюжета. *И прошел Александр от того места сто дней, и приблизился к пределам вселенной, ощутив тоску («Александрия»)* [Водолазкин, 2014, с. 39]. *Когда Китоврас вели к Соломону, он увидел человека, покупавшего себе сапоги. Человек захотел узнать, хватит ли этих сапог на семь лет, и Китоврас рассмеялся. Идя далее, Китоврас увидел свадьбу и расплакался («Сказание о Соломоне и Китоврасе»)* [Там же, 2014, с. 21].

Произведение «Александрия» как факт материальной книги возникает в сюжете с невероятной частотностью:

– Арсений читает или листает ее сам себе: *Александрию Арсений читал постоянно. <...> При первых словах Александрии к Арсению подходил волк. <...> Вместе с Арсением внимательно следил за событиями жизни македонского царя* [Водолазкин, 2014, с. 39].

– Она находится рядом с ним: *Лежит животом вниз, рядом с ним закрытая Александрия* [Там же, с. 44].

– Он читает ее вслух возлюбленной, а после уже над ней как Священное Писание: *Он вспомнил, что при жизни она любила слушать Александрию, и начал читать Александрию. Ее реакция на роман об Александре всегда была живой, и сейчас, по мнению Арсения, это могло сыграть свою положительную роль* [Там же, 2014, с. 103].

– Вспоминает об основных моментах истории, видя перед собой нечто схожее: *Так сколь же разнообразен мир, думал Арсений, и вспоминал сходные*

описания Александрии, и спрашивал себя, каково же место перечисленных явлений в общем порядке вещей. Ведь не может же их существование (спрашивал себя) быть недоразумением в мире, устроенном разумно? [Водолазкин, 2014, с. 148]; Арсений беззвучно крикнул матросам, чтобы спасались, но они продолжали свое странное движение. Надвинутые капюшоны уподобляли их удивительным существам из Александрии [Там же, 2014, с. 335].

– Позднее вспоминает о путешествиях Александра с более детальной точностью, нежели о собственных, указывая на сам факт произведения, повлиявшего как на свою личность, так и на память: *Лавр хочет рассказать о своем путешествии в Иерусалим, но не может его вспомнить. Он долго думает и вспоминает Александрию* [Там же, 2014, с. 424].

Действительно, значение образа Александра и его действий как полководца становится определяющим для всей жизни главного героя – он сравнивает себя с ним, в том числе и по внешним признакам. С детства, неоднократно перечитывая произведение, Арсений находит общее даже в их именах: *Для жителей слободки это прозвище не имело смысла, поскольку все они были рукинцами. Иначе сложилось с Арсением. Даже внутри самой слободки его стали определять как Рукинца. Это воспринималось как своего рода выдача почетного гражданства, как именование любимого им Александра – Македонцем* [Там же, 2014, с. 62].

Однако в этом вопросе их отличал тот факт, что Арсений на протяжении жизни меняет четыре имени *Арсений – Устин – Амвросий – Лавр* и отзывается на два прозвища – Рукинец и Врач – ввиду его целительного дара. Сквозным мотивом в художественном повествовании, связующим судьбы двух книжных персонажей, становится *путь*, который преодолевает каждый из них.

Впервые «Александрия» появляется в первой главе – «Книге познания». Арсений, увлеченный чтением древнерусского памятника, видит цель своего жизненного пути в познании мира. В «Книге отречения» этот же текст, уже не воспроизводимый, а лишь припоминаемый героем, также фигурирует в истории и определяет судьбу Арсения: он продолжает свой путь познания, находясь в поисках ответов на бытийные вопросы [Махихина и др., 2019, с. 187].

Эксплицитно избранный мотив отражается в «Книге пути», описывающей путешествие Арсения в Иерусалим, подобно Александру, дорога которого также устремлена в землю обетованную. В священном городе принимающему христианство Александру пророк Иеремия предсказывает достижение рая: *На помощь призывай Бога Саваофа – и силу персидскую победишь, и всему от востока до запада царем станешь, и когда все это совершишь, тогда дойдешь до места, близкого к раю* [Александрия Сербская, 2003].

Однако Александр не осознал достигнутого, поскольку его путешествие не увенчалось успехом, подчеркивается в изречении монаха: *Александр был мозабвенным путешественником, и дорога сама расстилалась под его ногами* [Водолазкин, 2014, с. 296]. То же чувствует и Арсений: уподобляя себя образу

полководца, он определяет и общность их путей: *Иногда я чувствую себя Александром. И дорога сама расстилается под моими ногами. И, подобно Александру, любовь моя, я не знаю, куда она ведет* [Водолазкин, 2014, с. 296].

В этом признании очевиден переход к осознанию героем собственного пути: «самозабвенность» Александра-военачальника, неоднократно возникающий образ дороги (которая «сама расстилается под ногами»), связаны с бесцельностью пути – движение ради движения. Александр, устремленный к пределам земного, расспрашивает знающих людей о том, куда ведут избранные пути; дорога Арсения целенаправленна – это Иерусалим – сокровенная обитель, где он вознесет молитву об Устине во имя упокоения ее души.

В Иерусалиме старец монастыря Иннокентий вовсе развенчивает путь Александра, признавая его неутешительным, организованным, как утверждает А. Шайкин, в «горизонтальной плоскости» [Шайкин, 2021, с. 617]: *И не увлекайся горизонтальным движением паче меры. – А чем увлекаться, – спросил Арсений. – Движением вертикальным, ответил старец и показал вверх* [Водолазкин, 2014, с. 364]. Своим напутствием мудрец словно подчеркивает, что Арсений и Александр находятся в разных проекциях. Принципиально значимым становится образ Александра в «Книге покоя». Внешнее движение героя почти прекращается, на первый план выведен мотив *преодоления внутреннего пути* Арсения-Лавра.

Арсений на протяжении жизни совершает «круговое» движение, что подтверждает идею о цикличности пути героя: он возвращается в то место, которое, по сути, явилось отправной точкой его путешествия [Махинина и др., 2019, с. 187]. *Арсению показалось было, что по запахам и общему состоянию воздуха эта весна была точь-в-точь такой как когда-то в детстве, но <...> Арсений был теперь совершенно другим, и оттого нынешняя весна не имела с его детской весной ничего общего. В отличие от той весны, нынешняя не заполняла уже всего мира* [Водолазкин, 2014, с. 365]. Ключевым в этом контексте нам видится мотив *преображения* героя, замыкающий собственный путь совершенно другим человеком, что свидетельствует об особенностях романно-житийного образа.

Отступая от традиционной композиции агиографических произведений, Е. Водолазкин в собственной литературной истории видоизменяет каноническую модель житийного персонажа, оставляя лишь основные этапы его жизненного пути. Так, например, стоит отметить «внутреннюю»/духовную подвижность Арсения-Лавра, в отличие от канонических святых, являющимися, по сути, статичными – наделенными богоизбранностью уже при рождении/крещении и сохраняющими святость посмертно. Кроме того, в романе Е. Водолазкина особое внимание уделяется любовной интриге, обуславливающей становление и дальнейшее развитие личности героя [Гримова, 2020, с. 99], в то время как «житийный» персонаж плотской любовью или страстями не испытывается – он преследует высокую – нравственную – цель, ограждаясь от земного/мирского.

В образе Арсения-Лавра сочетаются типичные черты как *святого странника*, обретшего уединение и покой, так и *романного героя*, принявшего аскезу во имя спасения души погибшей возлюбленной. Симптоматично и то, что в романе-житии упоминается образ Арсения Великого, в честь которого наречен главный герой: *Особенность человека, о котором идет речь, состояла в том, что он говорил очень мало. Он помнил слова Арсения Великого: много раз я сожалел о словах, которые произносили уста мои, но о молчании я не жалел никогда. Чаще всего он безмолвно смотрел на больного. Мог сказать лишь: тело твое тебе еще послужит. Или: тело твое пришло в негодность, готовься его оставить; знай, что оболочка сия несовершенна* [Водолазкин, 2014, с. 162].

Подвиг *молчания*, отраженный в философии жизни, свидетельствует о типологической близости персонажей. Арсений чувствует свою вину за смерть человека, которого он «погубил произнесенным словом»; после смерти Устины он продолжает долгое время и вовсе держит *обет молчания*. Общность героев видится и в выбранном ими пути: оба отстраняются от почета, славы, богатства, оставаясь наедине с самими собой для общения с Богом [Ищенко, 2021, с. 225]. Однако заметим, что Лавр не завершает земную жизнь подобно небесному покровителю.

Прохождение пути главным героем в вертикальной (а не горизонтальной) проекции подтверждается изучением лексико-семантических особенностей имен персонажей. Эти имена последовательно сменяют друг друга, и в представленной последовательности явлена закономерность: каждое последующее имя «высшаает» главного героя, приближая его к сакральному статусу – *святому*, и маркирует его особый, богоизбранный путь. Показательно это в семантике первого имени героя (Арсений), окрещенного в честь преподобного: *Он появился на свет <...> в день памяти Арсения Великого. Семь дней спустя во имя Арсения он был крещен* [Водолазкин, 2014, с. 10].

Значение имен героев коррелирует: перевод с древнегреческого имени *Арсений* отсылает к значению «мужественный», что соотносится с семантикой имени *Александр* – «защитник», «мужчина», апеллирует к выраженному мужскому началу, былинной фигуре центрального образа.

Второе имя героя – Устин, приобретенное им в память об умершей возлюбленной. В просторечном варианте имени – Иустин, восходящему к Юстину, указывается на справедливость, символическую праведность героя: – *Как тебя зовут, – снова спросил рот. <...> – Устин, – едва слышно сказал Арсений* [Там же, 2014, с. 161].

Имя, заимствованное у любимой и навсегда связывающее с ней, выражает проявление героем аскетизма, его внутреннюю эволюцию, знаменует зрелость, новый этап духовного взросления. Смена имени персонажа обуславливает качественные трансформации образа героя, демонстрирует изменения его жизненных ориентиров.

Третье имя героя – Амвросий, отсылающее к греческим корням, метафорически указывает на его «божественную», «бессмертную» природу, что соотносится со значением выбранного имени: *Не ищи меня среди живых под именем Арсений, но ищи меня под именем Амвросий* [Водолазкин, 2014, с. 371]. В семантике этого наречения заметно выражена сопричастность статусу святого – герой становится типологически ближе образу Всевышнего.

Последнее имя героя – Лавр – становится сакральным; знаменует торжество, внутреннюю победу персонажа. В античной традиции лавр – атрибут победителя; в мировой культуре этот образ связан с пониманием природы бессмертия, что семантически апеллирует к предшествующему имени героя. *Глядя на седые пряди на полу, Амвросий услышал свое новое имя: – Брат наш Лавр постригает власы главы своей во имя Отца и Сына и Святаго Духа* [Там же, 2014, с. 398].

Последнее имя героя в романе-житии выполняет «обрамляющую» функцию, поскольку воссозданный семантический ряд иллюстрирует путь Христа – его и проходит Арсений-Лавр. Принятие нового имени логически трансформирует образ героя – сначала обращает его к искуплению, а затем – к нравственному возвышению – исполнению Закона. Представленное восхождение Арсения как композиционный прием является устойчивым в поэтике Е. Водолазкина, на что обращает внимание Н.В. Ковтун [Ковтун, 2018, с. 76–92].

Безусловно, в тексте регулярно встречаются лексемы, формирующие лексико-семантические и ассоциативные поля, связанные с образом пути или дороги. Мы обозначаем наиболее репрезентативные в границах художественного повествования автора.

– ПУТЬ как «жизненный путь»: *Арсений шел, испытывая холод и страх. Он и сам не понимал, зачем вышел из тепла. Ему было лишь ясно, что **путь** его ждал трудный – если вообще преодолимый. И он не знал, куда этот **путь** лежит* [Водолазкин, 2014, с. 165]; «направление движения»: ***Путь** к городским воротам он мог бы проделать и с закрытыми глазами* [Там же, 2014, с. 153]; «поездка, путешествие»: *На рассвете караван вновь отправился в **путь**. Построение напоминало вчерашнее, но в точности его не повторяло* [Там же, 2014, с. 274].

– ДОРОГА «жизненный путь»: *В глазах Арсения посадник Гавриил увидел всю его трудную **дорогу*** [Там же, 2014, с. 351]; «поездка»: *По **дороге** они не разговаривали* [Там же, 2014, с. 150]; «заданный маршрут»: *Мы ищем **дорогу** на Оршу* [Водолазкин, 2014, с. 254]; «полоса земли для передвижения»: *<...> грязь смерзлась бороздами и комками, превратив **дорогу** в стиральную доску* [Там же, 2014, с. 49].

– ПУТЕШЕСТВИЕ И ПУТЕШЕСТВЕННИК: *Если верить его расчетам <...>, на **путешествие** у нас есть по меньшей мере десять лет* [Там же, 2014, с. 244].

– СПУТНИК: *Он хочет, чтобы ты стал моим **спутником** на пути в Иерусалим* (цитата Амброджо) [Там же, 2014, с. 241]; *У меня, любовь моя, хороший **спутник**, молодой интеллигентный человек с широким кругом интересов* (цитата Арсения) [Там же, 2014, с. 247].

– ПУТНИК: <...> не было никакой – кроме, может быть, имени – связи между белокурый мальчиком из Рукиной слободки и убеленным сединами **путником**, почти стариком [Водолазкин, 2014, с. 366].

Реже используются в тексте такие слова, как: *попутчик, попутный, путать, путевой и запутанность*.

Таким образом, можно утверждать, что на всех уровнях художественного повествования – идейно-тематическом, мотивном и образном – значение категории пути становится определяющим – формирующим идеологию и эстетику произведения, его структурно-типологическую конъюнктуру, убедительно отражающим литературную преемственность и культурную традицию.

Библиографический список

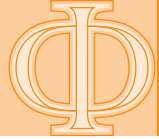
1. Александрия Сербская. Древнерусский текст и современный перевод // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; подг. текста, пер. и комм. Е.И. Ванеевой; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука. 2003. Т. 8: XIV – первая половина XVI века. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5126> (дата обращения: 01.11.2023).
2. Вальянов Н.А. Мотив хождения по мукам в русской традиционалистской прозе: художественный опыт М.А. Тарковского // Сибирский филологический форум. 2023. № 3 (24). С. 37–50.
3. Водолазкин Е.Г. Лавр: роман. М.: АСТ, 2014. 440 с.
4. Дрыга С.Г. Концепт «Путь» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 24 с.
5. Гримова О.А. Организация нарративной интриги в современном романе: основные тенденции // Narratorium. 2020. № 13. URL: <https://narratorium.ru/> (дата обращения: 15.05.2023).
6. Ищенко Е.А. Древнерусские источники в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2021. № 1 (68). С. 223–227.
7. Ковтун Н. «Генерал Ларионов как текст» и его толкователи (на материале романа Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов») // Человек: образ и сущность. 2023. № 3 (55). С. 115–135.
8. Ковтун Н.В. Ухрония как структурообразующий прием в романе Евгения Водолазкина «Авиатор» // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2018. № 60 (2). С. 76–92.
9. Лавр непросто открывался / Е. Водолазкин // Российская газета – федеральный выпуск. 2013. № 3 (5979). URL: <https://rg.ru/2013/01/11/vodolazkin.html> (дата обращения: 16.05.2023).
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

11. Махни́на Н.Г., Сидорова М.М., Насрутдинова Л.Х. Древнерусский текст в романе Е. Водолазкина «Лавр» («Александрия») // Филология и культура. Philology and culture. 2019. № 1 (55). С. 184–189.
12. Неклюдова О.А. Карта контекстов. Роман Е. Водолазкина «Лавр» // Вопросы литературы. 2015. № 4. С. 119–130.
13. Силантьев И.В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
14. Шайкин А.А. Александр Македонский и герои романа Евгения Водолазкина «Лавр» // Герменевтика древнерусской литературы: сб. 20 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 611–619.
15. Шайкин А.А. Житийный герой в романном повествовании: «Лавр» Евгения Водолазкина (часть первая) // Словесность и история. 2020. № 4. С. 98–148.

Сведения об авторах

Вальянов Никита Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им В.П. Астафьева; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург); e-mail: nick.valyanov@yandex.ru

Зубкова Полина Игоревна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им В.П. Астафьева; e-mail: polina-zubkova@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-63-73

THE MOTIF OF THE PATH AND ITS MEANING IN E. VODOLAZKIN'S NOVEL *LAVR*

N.A. Valianov (Krasnoyarsk, Saint Petersburg, Russia)

P.I. Zubkova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the study of the category of motive in contemporary literary criticism. Based on the material of the novel *Lavr*, one of the leading works of mature prose by E. Vodolazkin, the motif of the path as a cross-cutting motif in Russian literature is explored. Its artistic, aesthetic and lexical-semantic meaning is determined within the boundaries of the author's narrative.

The purpose of the study is to determine the functional significance of the path motif in the space of E. Vodolazkin's hagiography novel *Lavr*, which inherits the genre traditions of Old Russian literature.

Research methods: cultural-historical, structural-semiotic.

Research results. The motif of the path seems to form the structure in E. Vodolazkin's work *Lavr*. The "travel" theme, marked in the author's definition of the genre of the work, hagiographic novel, refers to the Russian medieval tradition; particular attention is paid to the features of the hagiographic style of narration. The passage of the path by the main character in a vertical (rather than horizontal) projection is confirmed by the study of the lexical and semantic features of several of his names. These names successively replace each other, and in the presented sequence a pattern is revealed: each subsequent name "elevates" the main character, bringing him closer to the sacred status – saint – and marks his special – God-chosen – path.

Conclusions. The artistic, lexical-semantic, associative meaning of the path motif becomes decisive at all levels of the author's narrative – forming the ideology and aesthetics of the work, its structural and typological context, convincingly reflecting literary continuity and cultural tradition.

Keywords: *E.G. Vodolazkin, Lavr, hagiographic novel, modern Russian literature, motive, path, genre, ancient Russian literature.*

References

1. Alexandria Serbia. Old Russian text and modern translation (Text preparation, translation and comments by E.I. Vaneeva) // Library of Literature of Ancient Rus' / RAS. IRLI; Ed. D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. Saint Petersburg: Science. 2003. Vol. 8: XIV–first half of the 16th century. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5126> (access date: 11/01/2023).
2. Valianov N.A. "The walking on the torments" as the motive of Russian traditionalist prose: artistic experience by M. A. Tarkovsky // Siberian Philological Forum. 2023. No. 3 (24). P. 37–50.
3. Vodolazkin E.G. *Lavr: Novel*. Moscow: AST, 2014. 440 p.
4. Dryga S.G. The concept "Path" in the Russian language picture of the world: Abstract. dis. Ph.D. Philol. Sci. Stavropol, 2010. 24 p.

5. Grimova O.A. Organization of narrative intrigue in the modern novel: main trends // Narratorium. 2020. No. 13. URL: <https://narratorium.ru/> (access date: 05/15/2023).
6. Ishchenko E.A. Old Russian sources in E. Vodolazkin's novel "Lavr" // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2021. No. 1 (68). P. 223–227.
7. Kovtun N. "General Larionov as a text" and his interpreters (based on the novel "Soloviev and Larionov" by E. Vodolazkin) // Man: image and essence. 2023. No. 3 (55). P. 115–135.
8. Kovtun N.V. Uchronia as a structure-forming device in Evgeny Vodolazkin's novel "The Aviator" // LITERATURA (Rusisrica Villnensis). 2018. No. 60 (2). P. 76–92.
9. The laurel did not open easily / E. Vodolazkin // Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue. 2013. No. 3 (5979). URL: <https://rg.ru/2013/01/11/vodolazkin.html> (access date: 05/16/2023).
10. Lotman Yu. M. Inside thinking worlds: Man – Text – Semiosphere – History. Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 464 p.
11. Makhinina N.G., Sidorova M.M., Nasrutdinova L.Kh. Old Russian text in E. Vodolazkin's novel "Lavr" ("Alexandria") // Philology and Culture. Philology and culture. 2019. No. 1 (55). P. 184–189.
12. Neklyudova O.A. Map of contexts. Roman by E. Vodolazkin "Lavr". Questions of literature. 2015. No. 4. P. 119–130.
13. Silantiev I.V. Poetics of motive. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 296 p.
14. Shaikin A.A. Alexander the Great and the heroes of Evgeny Vodolazkin's novel "Lavr" // Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 20 / Institute of World Literature RAS; Ch. ed. O.A. Tufanova. Moscow: IMLI RAS, 2021. P. 611–619.
15. Shaikin A.A. Hagiographic hero in a novel narrative: "Lavr" by Evgeniy Vodolazkin (part one) // Literature and history. 2020. No. 4. P. 98–148.

About the authors

Valianov, Nikita Aleksandrovich – PhD (Philology), Associate Professor, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky (Saint Petersburg, Russia); e-mail: nick.valyanov@yandex.ru.

Zubkova, Polina Igorevna – MA Candidate, Department of of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: polina-zubkova@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-74-82

УДК 81'42

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ПОВЕСТИ С.А. ШАРГУНОВА «УРА!»

Чжан Вэйдун (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В повести С.А. Шаргунова «Ура!» используются стилистически маркированные лексические единицы, которые позволяют понять личность персонажей, их характер, дать им оценку. К стилистически сниженной лексике относятся просторечные, разговорные, жаргонные слова.

Цель исследования – описать особенности употребления стилистически маркированной лексики в повести С.А. Шаргунова «Ура!».

Материалы и методы исследования. В качестве материала исследования мы выбрали текст повести С.А. Шаргунова «Ура!». При изучении данного литературного источника были использованы методы семантического, контекстного и дефиниционного анализа, а также фрагментарно использовался статистический метод.

Результаты исследования. На материале произведения С.А. Шаргунова «Ура!» изучены стилистически маркированные лексические единицы. Проведена классификация лексики в зависимости от функций, которые она выполняет в тексте. Были выявлены следующие функции стилистически маркированной лексики: оценочная, изобразительная, комического эффекта.

Выводы. Разговорные и просторечные слова передают негативную оценку, характеризуют героев произведений с отрицательной стороны. При помощи изобразительной функции стилистически сниженной лексики автор передает внешний облик и характер действующих лиц произведения, создается комический эффект, передается эмоциональная обстановка описываемого события.

Ключевые слова: лексика, лексические единицы, функция, оценка, стилистический эффект, просторечные слова, разговорные слова, жаргон.

Постановка проблемы. Развитие лексики невозможно без появления новых эмоционально окрашенных лексических единиц. Для современного русского языка характерны демократизация, проявляющаяся в размывании границ между различными функциональными стилями, тесном взаимодействии между литературным языком и внелитературными элементами, проникновением разговорной, просторечной, жаргонной и сленговой лексики в художественную литературу.

Стилистически маркированная лексика является основным объектом изучения лингвостилистики. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, сниженная лексика отличается от литературного языка или языкового стандарта, где языковой стандарт рассматривается как образцовый, нормализованный язык [Ожегов, Шведова, 2006].

И.А. Стернин относит стилистически сниженную лексику к ненормативной лексике [Стернин, 2011, с. 19].

Стилистически сниженную лексику можно отнести к внелитературной, т.е. это слова, не включенные в словари литературного языка, но используемые в литературных текстах [Самотик, 2011, с. 203].

Слова с экспрессивно-стилистическим значением могут выражать определенные эмоции, чувства, например бранные, просторечные слова [Зимовец, 2009, с. 77].

Так, просторечие – это форма языка, исторически возникающая в определенный период его существования и имеющая собственное содержание на всех языковых уровнях: от акцентологии до лексики и фразеологии [Кудинова, 2009, с. 136].

Экспрессивно окрашенная лексика – это совокупность лексических единиц, направленных на передачу внутреннего состояния человека [Артамонов, 2004, с. 16].

С помощью стилистически окрашенной лексики можно придать тексту более высокий уровень образности, передать культурный контекст эпохи, рассказать о специфике речи описываемого субъекта, передать его оценку, отношение к какому-либо феномену, показать чувства, эмоции.

Разнообразие лексики русского языка является неиссякаемым источником для лингвистического анализа. В произведениях С.А. Шаргунова используется разностилевая лексика, особый интерес для нашего исследования представляет стилистически маркированная лексика. Функционально-стилистический анализ позволяет установить стилистические средства лексического уровня, используемые в тексте [Артамонов, 2004, с. 5; Пименова и др., 2017, с. 12].

Повесть С.А. Шаргунова «Ура!» является произведением «нового реализма», написанном через год после статьи «Отрицание траУра!», ставшей программой движения «новый реализм» в литературе. В повести широко используются фрагментарность, сочетание несочетаемого в характеристиках героев и предметов, языковая игра, поэтические приемы. С.А. Шаргунов ломает синтаксис, избегает длинных гладких предложений, постоянно перебивая ритм, выпуская из текста необязательные для передачи смысла слова. Создается ощущение, что произведение имитирует речь человека, который то куда-то бежит, то наносит кому-то удары, то останавливается, чтобы перевести дух [Серова, 2015].

«Новый реализм» – форма литературной солидарности молодых писателей, которые хотят отделиться от массовой культуры, в разных вариантах продемонстрировать верность «жизни», «социальности», «автобиографичности» [Ротай, 2013, с. 8].

Сюжет произведения – начало нулевых, кругом жестокость, грязь, насилие. «Ура!» – это история молодого человека, который готов кричать, драться, страстно любить [Шаргунов, 2012, с. 3].

В художественных произведениях используется эмоционально окрашенная лексика, которая является важным инструментом передачи выразительной экспрессивной речи [Волкова, 2021, с. 126].

Цель исследования – описать особенности употребления стилистически маркированной лексики в повести С.А. Шаргунова «Ура!».

Обзор научной литературы. При написании работы использовались труды по стилистике русского языка.

Так, М.П. Брандес, анализируя лексические единицы, выделяет эмоционально-оценочные и эмоционально-образные слова. В первых эмоционально-оценочное значение представляет собой компонент семантической структуры слова, во вторых эмоционально-оценочное значение проявляется только в контексте [Брандес, 2004, с. 5].

Необходимо отметить, что стилистическая маркированность обладает следующими компонентами: эмоциональным, оценочным, экспрессивным, прагматическим.

Эмоциональный компонент представляет собой способность языковой единицы выражать и передавать отношение говорящего к какому-либо предмету или явлению. При этом эмоциональный компонент может быть положительным и отрицательным. Так, положительно-эмоциональный компонент включает в себя языковые единицы с иронически-шутливыми, ласкательными, шутливыми оттенками. Отрицательно-эмоциональный компонент представлен языковыми единицами с ироническими, пренебрежительными, уничижительными оттенками.

Эмоциональность в лингвистике способствует созданию новых средств, которые позволяют передать мысли и чувства автора. Эмоциональность содержит языковые, стилистические, коммуникативные выражения [Брадунова, 2020].

Например, А. Вежбицкая выделяет следующие классы эмоций, которые раскрываются посредством стилистически маркированных лексических единиц:

- эмоции, связанные с негативными вещами, т.е. негативными событиями в жизни людей (пожар, смерть близкого человека);
- эмоции, связанные с хорошими вещами, т.е. с позитивными событиями (рождение ребенка, свадьба);
- эмоции, связанные с людьми, совершившими плохие поступки, поэтому вызывающие отрицательную реакцию окружающих;
- эмоции, связанные с размышлениями о самом себе;
- эмоции, связанные с отношением к другим людям [Вежбицкая, 1996, с. 48].

Исследованию эмоций посвящены работы лингвиста В.И. Шаховского, который эмотивность связывал с семантическим компонентом слова. В его трудах были выделены следующие типы эмотивности:

- эмотивное значение;
- коннотация как компонент, сопряженный с логико-предметным компонентом значения;
- уровень эмотивного потенциала.

Лексическое значение слова может быть полностью сведено к эмотивному, т.е. выражаться посредством стилистически маркированных лексических единиц. Лексические единицы выполняют экспрессивную и эмотивную функции.

Под экспрессивной функцией исследователь понимает целенаправленное усиление словообозначения или высказывания, рассчитанное на определенную ожидаемую реакцию адресата, т.е. на желаемое воздействие от сказанного. Эмотивная функция предназначена для выражения эмоций говорящих без намерения воздействовать на адресата.

Классификация оценочных лексических единиц, предложенная Н.Д. Арутюновой, позволяет выделить общеоценочные и частнооценочные значения. Так, к общеоценочным относятся лексические единицы, имеющие стилистические и экспрессивные оттенки, например *скверный*, *худой*, *поганый*. К лексическим единицам, имеющим частнооценочные значения, относятся лексические единицы, имеющие сенсорные оценки, к которым исследователь относит сенсорно-вкусовые и психологические оценки [Арутюнова...].

Большой интерес для изучения специфики авторского стиля и проблемы использования маркированных единиц представляет диссертация Е.М. Ротай, в которой отмечается стремление новореалистов к верности «жизни», «солидарности», «автобиографичности» [Ротай, 2013, с. 3].

В статье «Повесть С. Шаргунова “Ура!” как программное произведение “нового реализма”», посвященной творчеству С.А. Шаргунова, А.А. Серова пишет: «Повесть “Ура!” действительно не соответствует шаблонам, по которым пишется массовая литература Ура!, не содержит и постмодернистской игры, разрушительного смеха. Все герои Шаргунова вписаны в жизнеподобные обстоятельства, реалистически достоверны. В повести нет фантастики, смещения временных и пространственных координат. Чужой текст если и используется (например, песня «Дубинушка»), то не подвергается деконструкции, а, напротив, реабилитируется и утверждается в своей актуальности» [Серова, 2015]. Автор считает, что Шаргунов использует лексику молодежного жаргона, применяет «рваный ритм», вызывая у читателя собственные эмоции. А.А. Серова отмечает, что повесть «Ура!!» более публицистична, чем художественна.

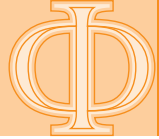
Материалы и методы исследования. В качестве материала исследования мы выбрали текст С.А. Шаргунова «Ура!». При изучении данного литературного источника были использованы методы семантического, контекстного и дефиниционного анализа, а также фрагментарно использовался статистический метод.

Важную роль в разьяснении стилистически сниженной лексики сыграли словари [Ефремова, 2000; Ожегов, Шведова, 2006].

Результаты исследования. В произведении С.А. Шаргунова «Ура!» отмечается довольно большое количество стилистически маркированных лексических единиц. К стилистически сниженной лексике относятся просторечные, разговорные, жаргонные слова, в результате анализа которых выявлены следующие функции.

1. Оценочная функция характерна для лексических единиц: *путается*, *девка*, *бандюки*, *рыхлые скоты*, *самец*:

ДУра!, с кем она *путается!* – я сел неподалеку и, что поделать, то и дело оборачивался на них [Шаргунов, 2012, с. 5].

Путаться – разговорное, неодобрительное слово – находиться в любовных отношениях [Ожегов, Шведова, 2006, с. 633].

*Быстро шторы натягивай, типа, их **бандюки** довели из клуба, а наши **девки** из тачки сбежали* [Шаргунов, 2012, с. 7].

Бандюки – разговорное, неодобрительное – преступники [Ожегов, Шведова, 2006, с. 35].

Девки – просторечное, негативная оценка, то же, что и девушка [Ожегов, Шведова, 2006, с. 156].

*Не хочу отдавать вам девочку, **рыхлые** вы **скоты** с холодными членами* [Шаргунов, 2012, с. 9].

Рыхлые скоты – просторечное, бранное – грубые, подлые люди [Ожегов, Шведова, 2006, с. 695].

*И... **самца** как ветром сдуло* [Шаргунов, 2012, с. 9].

Самец – просторечное, грубый человек мужского пола [Ожегов, Шведова, 2006, с. 693].

2. Изобразительная функция используется для передачи внешнего облика и характера героев.

Например, изображая брата Лены Славика, автор употребляет следующие стилистически маркированные лексические единицы: *хваткий малый, тусуется, приползает, речь бредово-блатная*.

*Он еле кончил восемь классов, хотя **хваткий малый**, и **тусуется** на пяточке в центре Ливадии с ровесниками* [Шаргунов, 2012, с. 10].

Хваткий малый – разговорное слово, ловкий, то же, что и парень [Ожегов, Шведова, 2006, с. 341].

Тусуется – просторечное слово, собираться вместе для обсуждения, совместного препровождения времени [Ожегов, Шведова, 2006, с. 817].

*...Славик **приползает** домой. Он деградирует день за днем, и речь его в подражании кореша **бредово-блатная*** [Шаргунов, 2012, с. 13].

Приползает – разговорное слово – приходить, прибывать куда-либо [Ефремова, 2000, с. 64].

Бредово-блатная – *бред* – нечто бессмысленное, вздорное, несвязное разговорное выражение; *блатной* – условный язык воров [Ожегов, Шведова, 2006, с. 59].

Для описания Юли, подруги Лены, автор использует следующие стилистически маркированные лексические единицы: *мелкая дурнуха*.

*Тож же работница с бутылками, **мелкая дурнуха**, помидор рожницы под копной черных волос* [Шаргунов, 2012, с. 13].

Дурнуха – разговорное слово, некрасивая, лишённая миловидности девочка [Ожегов, Шведова, 2006, с. 183].

Описывая ухажеров Лены, С.А. Шаргунов употребляет следующие стилистически маркированные лексические единицы: *мужик, бабло, башка, тачка*:

*К ней ездил **мужик** из Донецка, мне **бабла** сунул* [Шаргунов, 2012, с. 17].

Мужик – просторечное слово, то же, что и мужчина [Ожегов, Шведова, 2006, с. 369].

Бабло – жаргонное выражение, означающее деньги [Ефремова, 2000, с. 28].

Башка, как ягода алычи. Он ее на тачке катал [Шаргунов, 2012, с. 15].

Башка – просторечное слово, то же, что и голова [Ожегов, Шведова, 2006, с. 38].

Тачка – просторечное слово, то же, что и легковой автомобиль [Ефремова, 2000, с. 228].

Лена Мясникова – очень социальный образ, но с самого начала автору нужно было выделить ее из толпы, и он делает это через обращение к романтической эстетике: слишком красива, почти уродец, зверская красота, и диалектически соединив в ней чистоту (физическую непорочность) с психологической распущенностью. Так, автор пишет:

ДУра!, дУра!, неужели ты думаешь, что это твой парад красоты?

ДУра! – разговорное, бранное слово, глупая женщина [Ожегов, Шведова, 2006, с. 182].

3. Стилистически маркированные лексические единицы могут выполнять функции комического эффекта: *жующие морды, улепetyваешь, по-лоховски.*

К ним наклонились жующие морды, им заказывали сласти [Шаргунов, 2012, с.15].

Морды – разговорное, то же, что и лицо [Ожегов, Шведова, 2006, с. 365].

Страшно, когда на тебя орут «Ура!», темнеет в глазах, и улепetyваешь, лишь бы не навалились темной массой, не придушили [Шаргунов, 2012, с. 16].

Улепetyвать – просторечное слово, поспешно уходить, убежать [Ожегов, Шведова, 2012, с. 17].

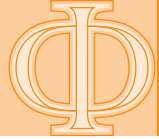
По-лоховски – жаргонное, слово – глупо, просто [Ефремова, 2000, с. 126].

Выводы. В результате изучения стилистически маркированных лексических единиц в повести С.А. Шаргунова «Ура!» была выделена стилистически сниженная лексика: просторечные и разговорные слова, определены функции стилистически маркированных лексических единиц: оценочная, изобразительная, функция комического эффекта.

Разговорные и просторечные слова передают негативную оценку, характеризуют героев произведений с отрицательной стороны. При помощи изобразительной функции стилистически сниженной лексики автор передает внешний облик и характер действующих лиц произведения. С помощью комического эффекта передается эмоциональная обстановка описываемого события, которая позволяет понять личность персонажей, их характер, дать им оценку.

Библиографический список

1. Артамонов В.Н. Функционально-стилистический анализ текста. Ульяновск: УЛГПУ, 2004. 54 с.

2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Брадунова К.И. Лексические средства выражения эмоций в повести Дж. Оруэлла «Скотный двор» // Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. и тез. XIV Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Минск, 20 ноября 2020 г.: в 5 т. Минск: БГУ, Т. 3. С. 8–12.
4. Брандес М.П. Стилистика текста. М.: Прогресс-Традиция. М., 2004. 406 с.
5. Вежбицкая А. Язык. КультУра!. Познание. М.: Русские словари. 1996. 416 с.
6. Волкова А.Е. Эмоционально окрашенная лексика: понятие, виды и классификация // Молодой ученый. 2021. № 16. С. 125–127.
7. Ефремова Т.В. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. 620 с.
8. Зимовец Н.В. К вопросу о классификации эмоционально-экспрессивных единиц в лингвистике // Система ценностей современного общества. 2009. № 1. С. 77–82.
9. Кудинова Т.А. Просторечие как лингвистический феномен: динамика понятия // Научная мысль Кавказа. 2009. № 4. С. 135–138.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «ИТ и технологии», 2006. 944 с.
11. Пименова М.В. и др. Виды лингвистического анализа: учеб. пособие: в 3 ч. / Е.А. Абрамова, К.М. Богрова, А.С. Малахов, М.В. Пименова, Е.Ю. Рыкин, Н.А. Сафронова, Г.И. Столбунова / под ред. М.В. Пименовой. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. Ч. 3. 152 с.
12. Ротай Е.М. «Новый реализм» в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013. 178 с.
13. Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка: учебник. М.: Флинта, 2011. 500 с.
14. Серова А.А. Повесть С.А. Шаргунова «Ура!» как программное произведение «Нового реализма» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. URL: <https://scienc-education.ru/ru/article/view?id=21784> (дата обращения: 08.04.2023).
15. Стернин Н.А. Неприличные формы высказывания в лингвокриминалистическом тексте // Юрислингвистика. 2011. № 1. С. 18–24.
16. Шаргунов С.А. «Ура!». М.: Альпина НОН-ФИКШН, 2012. 201 с.

Сведения об авторе

Чжан Вэйдун – аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zhangweidong@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-74-82

FEATURES OF THE USE OF STYLISTICALLY MARKED VOCABULARY IN S.A. SHARGUNOV'S STORY "HURRAY"

Zhang Weidong (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. In S.A. Shargunov's story *Hurray*, there are stylistically marked lexical units that allow us to understand the personality of the characters, their nature, and evaluate them. Stylistically non-standard vocabulary includes vulgar, colloquial, and slang words.

The purpose of the study is to describe the features of the use of stylistically marked vocabulary in S.A. Shargunov's story *Hurray*.

Materials and methods. As research material, we chose the text of the story *Hurray* by S.A. Shargunov. When studying this literary source, the following methods were used: methods of semantic, contextual and definitional analysis; statistical method was used in fragments.

Research results. Based on the work of S.A. Shargunov *Hurray*, stylistically marked lexical units were studied. Classification of the vocabulary was carried out depending on the functions it performs in the text. The following functions of stylistically marked vocabulary were identified: evaluative, figurative, and that of comic effect.

Conclusions. Colloquial and vulgar words convey a negative assessment and characterize the heroes of works from a negative side. Using the visual function of stylistically low vocabulary, the author conveys the appearance and character of the personages in the work, the comic effect is created, and the emotional atmosphere of the event being described is conveyed.

Keywords: *vocabulary, lexical units, function, evaluation, stylistic effect, vulgar words, colloquial words, jargon.*

References

1. Artamonov V.N. Functional and stylistic analysis of the text. Ulyanovsk: ULSPU, 2004. 54 p.
2. Arutyunova N.D. Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact. M.: Nauka, 1988. 341 p.
3. Bradunova K.I. Lexical means of expressing emotions in J. Orwell's story «Animal Farm» // Ideas. Search. Solutions: Sat. Art. and theses. XIV International Scientific and Practical Conference of Teachers, Postgraduates, Masters, Students, Minsk, November 20, 2020: in 5 volumes. Minsk: BSU, T. 3. P. 8–12.
4. Brandes M.P. Stylistics of the text. M.: Progress-Tradition. M., 2004. 406 p.
5. Vezhbitskaya A. Language. CultureHurray!. Cognition. M.: Russian dictionaries. 1996. 416 p.
6. Volkov A.E. Emotionally colored vocabulary: concept, types and classification // Young scientist. Russian Russian Russian Russian Dictionary. 2021. No. 16. P. 125–127.

7. Efremova T.V. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Russian language, 2000. 620 p.
8. Zimovets N.V. On the classification of emotional-expressive units in linguistics // System of values of modern society. 2009. No. 1. P. 77–82.
9. Kudinova T.A. Vernacular as a linguistic phenomenon: dynamics of the concept // Scientific Thought of the Caucasus. 2009. No. 4. P. 135–138.
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions, Moscow: IT and Technologies LLC, 2006. 944 p.
11. Pimenova M.V. Types of linguistic analysis: textbook. stipend. At 3 p.m. 3. / E.A. Abramova, K.M. Bogrova, A.S. Malakhov, M.V. Pimenova, E.Y. Rykin, N.A. Safronova, G.I. Stolbunova; ed. by M.V. Pimenova. Vladimir: VISU Publishing House, 2017. 152 p.
12. Rotai E.M. “New Realism” in modern Russian prose: the artistic worldview of R. Senchin, Z. Prilepin, S. Shargunov: dissertation of Candidate of Philological Sciences. Krasnodar, 2013, 178 p.
13. Samotik L.G. Vocabulary of the modern Russian language: textbook. Moscow: Flinta, 2011. 2022. 500 p.
14. Serova A.A. S.A. Shargunov's novella “Hurrah” as a program work of “New realism” // Modern problems of science and education. 2015. No. 2. URL: <https://scienc-education.ru/ru/article/view?id=21784> (access date: 08.04.2023).
15. Sternin N.A. Indecent forms of utterance in a linguocriminalistic text // Jurislinguistics. 2011. No. 1. P. 18–24.
16. Shargunov S.A. “Hurrah” Moscow: Alpina NON-FICTION, 2012. 201 p.

About the author

Zhang Weidong – PhD Candidate, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: zhangweidong@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: *постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад)*.

3. При цитировании обязательно указание ссылок на все источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения на русском и английском языках:

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: *problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution*;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.С. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756

3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2

4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (дата обращения: 05.02.2021).

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT
AND TECHNOLOGY EDUCATION
A.S. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (перевод на английский)

1. Lustig M.V., Koester J. Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston: Pearson Education Inc., 2010. 388 p.

2. Plotnikova S.N. The role of interpretative discourse in the organization of communication community. In: Russian Philology and Comparative Studies: international collection of scientific papers on philology. Moscow: Knigodel, 2019. Is. 13. P. 304–312. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.20

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2021).

About the author

Sidorova Anna Sergeevna – Candidate of Philology, Associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2023. № 4 (25)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 23.11.23.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 10,75